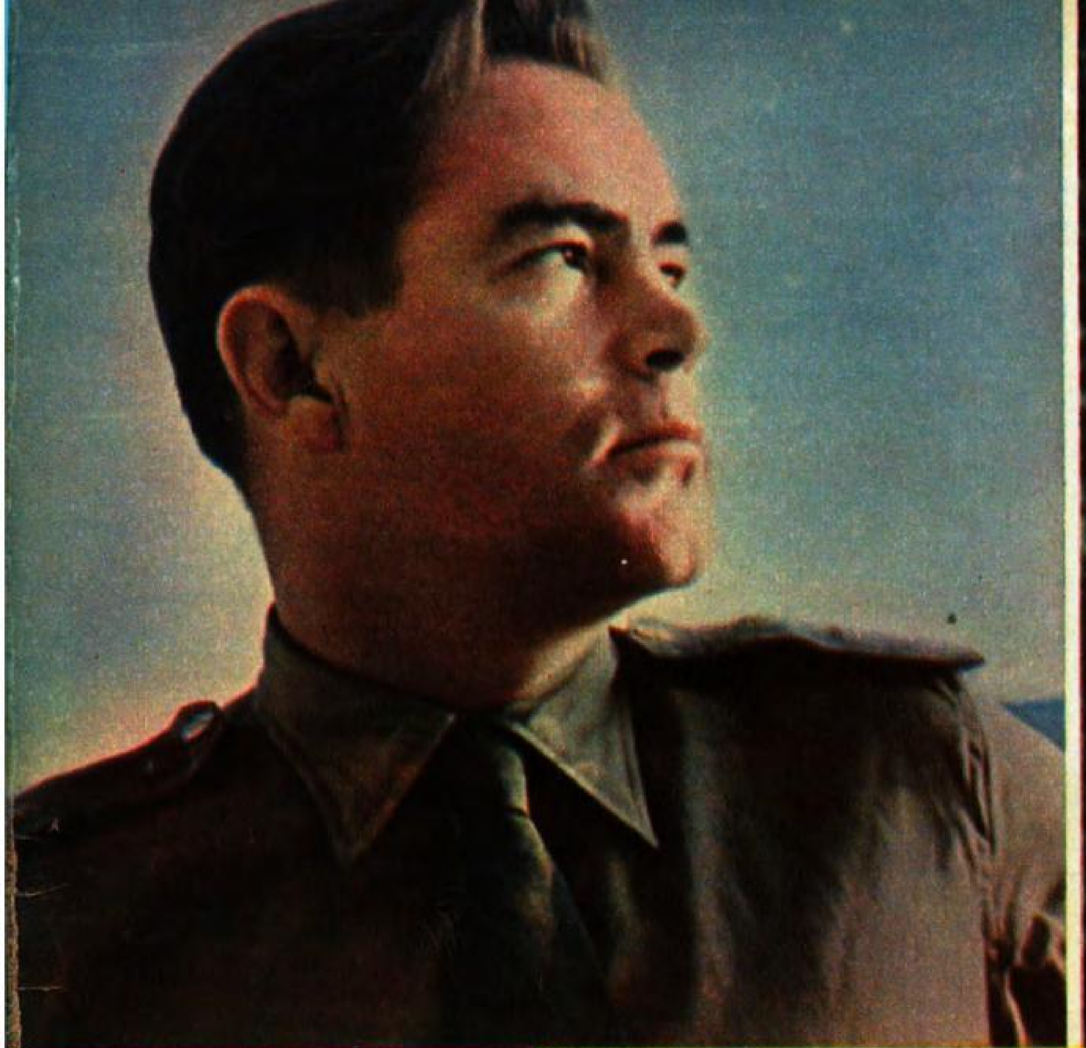

ОГОНЁК

№ 34 АВГУСТ 1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РОДИНА ОБНИМАЕТ ВАС!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 34 (1835)

19 АВГУСТА 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Н. С. ХРУЩЕВ:

— Все мы гордимся вами, гордимся учеными, инженерами, техниками, рабочими, которые создали этот замечательный корабль.

Из разговора по телефону Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева с космонавтами А. Г. Николаевым и П. Р. Поповичем.

Фото Г. ТРОФИМОВА (ТАСС).

Слушай, человечество! Советские космонавты Андриян Николаев и Павел Попович рапортуют:

— Программа многодневного группового полета космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4» выполнена!

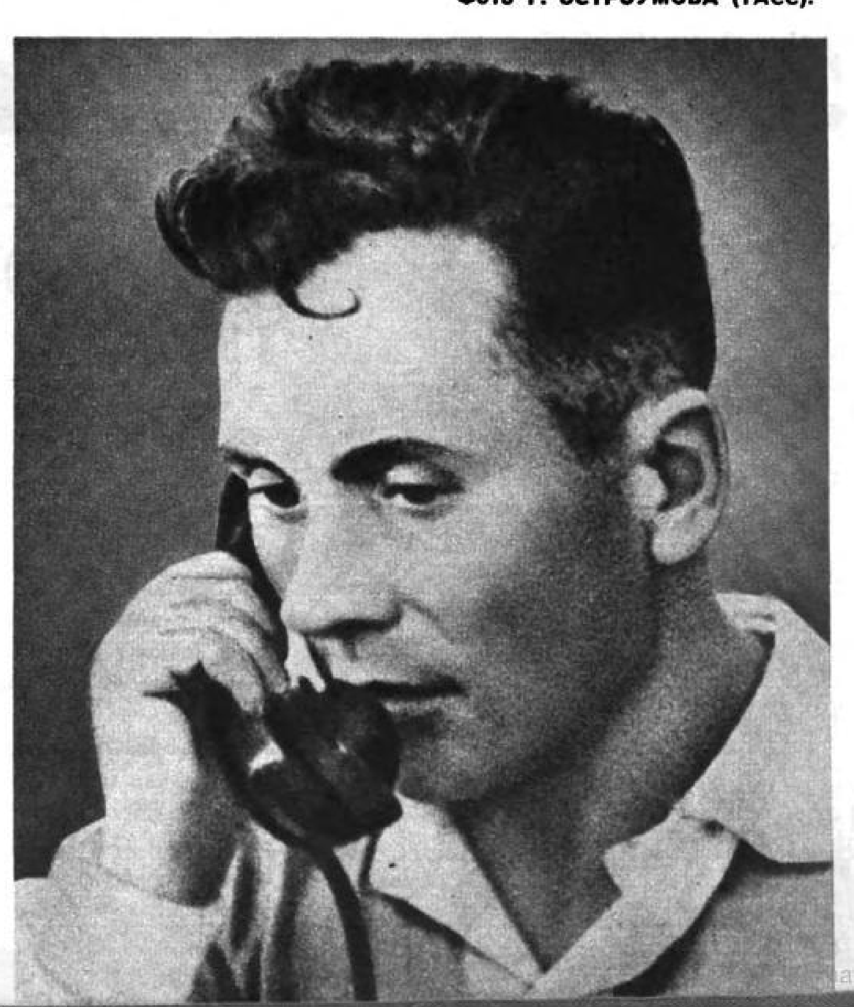
Новая графа в послужном списке звездолетов: А. Николаев — более 2600000 километров; П. Попович — около 2000000 километров.

НОВЫМ МАГЕЛЛАНАМ ВСЕЛЕННОЙ — СЛАВА, СЛАВА, СЛАВА!

Космонавты А. Г. Николаев и П. Р. Попович во время телефонного разговора с Н. С. Хрущевым и Л. И. Брежневым.

Фото Г. ОСТРОУМОВА (ТАСС).

Здравствуй, родная Земля!

Космонавты А. Г. Николаев

ЭТО СКАЗКОЮ КАЗАЛОСЬ,

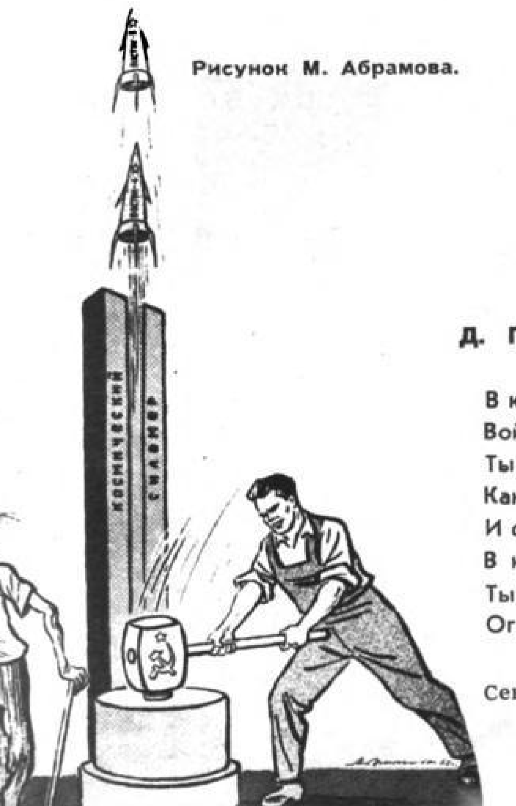

Рисунок М. Абрамова.

ПОКОРИТЕЛЮ ВЫСОТ

Д. ПЕТРОВ

В кабине космокорабля,
Войдя, как в утро, в невесомость,
Ты осознал: одна Земля,
Как дом, как долг, как мать и совесть,—
И средоточие начал,
В котором жизнь, любовь и сила,
Ты в космосе обозначал
Огромным именем — Россия!

Севастополь (по телеграфу).

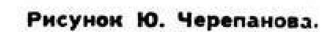

Рисунок Ю. Черепанова.

НЕБЕСНЫ

Семен КИРСАНОВ

Над земным чудесным шаром,
окруженным белым паром,
где блестят моря,—
слышатся,
слышатся
в небе голоса.
Это два небесных брата,
без восхода, без заката —
за зарей заря —
кружатся
в космосе,
небом колеся!

и П. Р. Попович после приземления. Фото П. Федорова (ТАСС).

ЭТО БЫЛЬЮ ОКАЗАЛОСЬ

Е БРАТЬЯ

Они правят небесами,
открывают Солнце сами,
расстилают тень,
светится
радугой
небо по краям.
Первый Африкой проходит,
а второй к нему подходит,
что ни час, то день,
вертится
в сумерках
Тихий океан.

А внизу, в далеком доме,
на советском космодроме
ждет их третий брат,
попросту
с космосом
вот он говорит!
Телевизор серебрится,
и четвертый видит лица,
и глаза горят
в солнечном
кружеве
мчащихся орбит!

Значит, небо — это тоже
не пустое бездорожье,
не ночная пыль...
Встретились,
встретились
смелые сердца.
Это сказкою казалось,
это былью оказалось,
и в такую быль
хочется,
хочется
жизни без конца!

До Луны — рукой подать.

Рисунок Е. Мигунова.

ПЕРЕД ПРЫЖКОМ К ЗВЕЗДАМ

А. ГОЛИКОВ, И. КАСЬЯН

Большой серый корпус. Здесь готовят к космическим рейсам будущих звездолетчиков. В просторной лаборатории, где поблескивают стеклом и никелем аппараты, тренажеры, мы беседуем с врачом-экспериментатором, просим его рассказать об особенностях подготовки к полету А. Николаева и П. Поповича.

— После полетов Ю. Гагарина и Г. Титова проводились различные исследования влияния состояния невесомости на человеческий организм, изыскивались средства для уменьшения его вредного воздействия. Почему я начинаю рассказ именно с этого? Сейчас большинство специалистов считают, что длительное состояние невесомости, которое будет испытывать человек в дальнейших космических рейсах, является необычным, сложным и сильным раздражителем. Он воздействует на все физиологические системы человека.

Наиболее радикальное средство предупреждения вредного влияния невесомости — создание на космическом корабле искусственной силы тяжести. Это предлагал еще Циолковский. В том случае, если окажется, что люди не смогут жить без силы тяжести, надо ракете сообщить вращательное движение, и центробежная сила создаст искусственную тяжесть желаемой величины. Вот перед вами подобный аппарат для подопытных животных.

...Врач подводит нас к небольшой центрифуге. Ее плечо не больше метра, а на конце — вместительная стеклянная колба. Нам объясняют, что эта центрифуга устанавливается на специальном самолете. В колбу помещаются белые крысы и мыши. Когда летчик пилотированием создает состояние кратковременной невесомости, центрифуга вращается и образует силу тяжести.

— Как вели себя при этом подопытные животные?

— Цель этого исследования состояла в определении минимальной величины искусственной силы тяжести, необходимой для координации движений, сохранения правильного положения тела. В невесомости животные беспорядочно вращались. Иногда вращение прекращалось, и животные как бы парили в воздухе, широко расставив лапы. При создании искусственной силы тяжести характер движений менялся. Когда ее величина достигла 0,3 единицы земной, поведение животных во время опыта стало таким же, как в лабораторных условиях. Это, конечно, не значит, что такая же сила будет достаточна для выполнения человеком нормальных движений в состоянии невесомости. Стараясь повысить устойчивость вестибулярного аппарата А. Николаева и П. Поповича, их тренировали на новых аппаратах. Вот один из них — «вращение на неустойчивой опоре».

Перед нами небольшая площадка, похожая на круглый стол. В центре стоит кресло, знакомое всем, кто поступал в летные школы или готовился стать парашютистом.

Космонавт садится на кресло, закрывает глаза, и платформа вращается вместе с ним. Когда она останавливается, врач нажимает рычаг, и платформа оказывается на одной шарнирной опоре, установленной в ее центре. Космонавт должен возможно быстрее принять правильное положение, и тогда платформа установится в горизонтальном положении.

— А можно нам попробовать?

— Пожалуйста... По очереди...

«Вращение на неустойчивой опоре» кажется упражнением несложным. Уверенно садишься в кресло, кладешь руки на подлокотники и закрываешь глаза.

— Тренирую вас, как Николаева,— улыбается врач.

Твердо знаешь, что тебя вращает в правую сторону. Но уже после первых оборотов чувствуешь, что крутишься влево. Вот она, иллюзия противовращения! Кресло останавливается. Открываешь глаза, выпрямляешься, но помимо воли отклоняешься влево... Опора-то действительно неустойчивая. Кресло и платформа тоже наклоняются. Только выпрямился — и крен в другую сторону. Делаешь поправку — «заваливаешься» назад, потом вперед, опять влево...

Врач следит за стрелкой секундомера и, когда наконец это чертово кресло устанавливается нормально, засекает время.

— Для начала неплохо. Но в три раза медленнее, чем Николаев. Догоняйте его,— шутит врач.

С помощью этого аппарата уже проводились исследовательские работы. В условиях невесомости изучалось воздействие гальванического тока на возбудимость вестибулярного аппарата.

Эти эксперименты, в частности, показали, что в состоянии невесомости иллюзия противовращения становится более кратковременной. Понижается возбудимость вестибулярного аппарата к угловым ускорениям. Установлено также, что невесомость не приводит к функциональному выключению отолитового аппарата, а является для него лишь чрезвычайным раздражителем. Все это дало врачам очень ценный материал и позволяет сделать тренировку космонавтов более действенной.

...Нам показывают фотографию: комната, стены которой затянуты светлой материей. На потолке толстые маты. А по полу, в середину которого вделан электрический плафон, шагает Андриян Николаев в космическом скафандре.

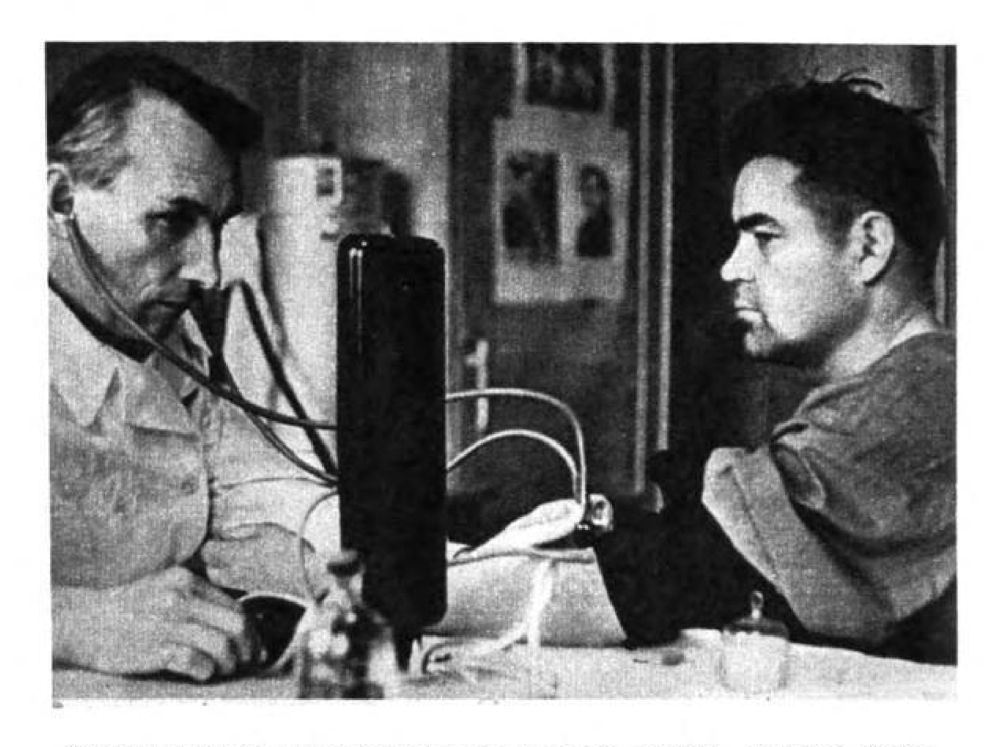
— Вы же держите фотографию вверх ногами,— улыбается врач.

— То есть как? Значит, по-вашему, Николаев шагает по потолку?

— Вот именно. Это он тренируется в отсеке невесомости на специальном самолете. Невесомость возникает при пилотировании, а космонавты в это время выполняют различные упражнения. Как известно, в вестибулярном аппарате, кроме отолитов, есть три полукружных канала: горизонтальный, сагиттальный и фронтальный. Для тренировки горизонтального канала Николаев и Попович выполняли вращение вправо и влево, для сагиттального — крутили колесо, для фронтального — переднее и заднее сальто. Выполняли они и фигуры высшего пилотажа — восходящий штопор, бочку; как видите, Николаев ходил по потолку.

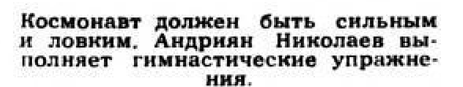
Все упражнения выполнялись с открытыми и закрытыми глазами. У космонавтов координация движений не нарушалась, самочувствие было хорошее. Так, у Николаева пульс на земле до и после «полета» колебался от 72 до 88 ударов в минуту.

Врач достает журнал и читает сделанную там запись: «В процессе всего полета у Николаева самочувствие было хорошее. Координация движений не изменялась... Полет дал хорошую тренировку для преодоления вредного влияния невесомости...»

Дни одиночества, проведенные в сурдокамере, позади... А какое кровяное давление теперь у космонавта?

Космонавт должен быть сильным и ловким. Андриян Николаев выполняет гимнастические упражнения.

На тренировке.

Удачного «полета», Андриян!.. Врачи помогают космонавту занять место в макете кабины космического корабля. «Полет» будет длительный.

Фото Веры ЖИХАРЕНКО и АПН.

УЗИН И ШОРШЕЛЫ

Сразу же после того, как советское радио передало о приземлении космических братьев, корреспондент «Огонька» в Киеве Дм. Прикордонный связался с Узином—родиной Павла Поповича. Мать героя Феодосья Касьяновна, принимая горячие поздравления редакции, выразила благодарность Коммунистической партии, Советскому правительству за высокое доверие, оказанное ее сыну, и пожелала поделиться своей радостью с семьей Андрияна Николаева.

ФЕОДОСЬЯ КАСЬЯНОВНА: — Сердечно поздравляю нашу дорогую Анну Алексеевну в далекой и близкой нам Чувашии с благополучным приземлением наших сыночков, желаю ей бодрости и здоровья, радостной встречи за праздничным столом. Пусть наши соколы — небесные братья — и дальше прославляют нашу Родину.

В Шоршелах к телефону подошел брат Андрияна Николаева, Иван.

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ: — Горячо благодарю от имени матери, от себя, от брата Петра, сестры Зинаиды и всех односельчан родную нам семью Поповичей и их земляков. Нам всем радостно сознавать, что у нашего Андрияна такие чудесные друзья, мы гордимся его дружбой с Павлом Поповичем, с которым он вместе был в космосе столько, сколько еще никто не был. Наша дружба вечна и нерушима. Наша сила — тоже!

Вручение верительных грамот космосу.
Рисунок Л. Самойлова.

Попович так рассказывает об одном из первых полетов в состоянии невесомости: «...Правой рукой стал попадать карандашом в гнезда координографа. Особых затруднений при этом не испытывал. Стало понятно одно: движение необходимо делать плавно. При резком движении тело перемещается в ту или другую сторону...»

...При полетах в невесомости производились и другие исследования: расширялся, например, ассортимент космических блюд, разнообразилось меню. Врач-экспериментатор открывает большой холодильный шкаф и показывает нам:

— Вот объекты исследования, опробованные на самолете.

На блюде лежат маленькие, завернутые в целлофан булочки величиной с абрикос. Их целиком можно брать в рот.

А вот еще одна житейская проблема длительного космического полета. Звездолетчики пробовали бриться, умываться, чистить зубы. И тут выяснились некоторые сложности: пополоскав рот, выплевывать воду надо в особую посуду и аккуратно, а то она разбежится по кабине.

— Бриться я и сам пробовал,— говорит врач.— За два состояния невесомости намылил бороду, а на третий раз побрился безопасной бритвой. В общем, сносно, но нужно практиковаться. Лучше бриться механической...

Для Николаева и Поповича подбирались специальные физические упражнения, которые они должны были выполнять в полете. При продолжительном космическом рейсе физзарядка совершенно необходима, иначе атрофируются мышцы. Упражнения подбирались такие, чтобы прорабатывались все группы мышц и получали при этом нужную нагрузку.

В макете кабины корабля «Восток» был прорепетирован весь полет от старта до посадки.

— Кабина точно такая, в какой тренировался Герман Титов?

— Не совсем. Внесены различные усовершенствования. Например, установлен ручной регулятор температуры воздуха в корабле. Теперь космонавт во время полета сам поддерживает заданную температуру. Это удобнее, хотя и раньше на наших кораблях тепловой режим был нормальным. А вспомните, какую жару приходилось переносить в полете американскому космонавту! Усовершенствованы и расширены также средства связи с землей.

Во время репетиции полета снимался физиологический фон организма космонавта: дыхание, пульс, электроэнцефалограмма и т. д. С этими данными позже сравнивались те, которые были зафиксированы у А. Николаева и П. Поповича на орбите. Велись наблюдения и нервно-психической сферы звездолетчиков. После «полета» изучались записи на магнитофонной пленке речи А. Николаева, его отчетные сообщения, сделанные им записи в бортовом журнале. Врач-экспериментатор показывает нам скафандр, точно такой, в каком летали А. Николаев и П. Попович.

— Мы испытывали также новый набор продуктов питания. Добавили лимон, кусочки весом по 50 граммов, завернутые в целлофан. Вода помещалась вот в этом полиэтиленовом резервуаре. Она предварительно консервировалась.

— Как космонавты выполнили заключительный «полет» на земле?

— В течение всего опыта общее самочувствие у них было хорошее. Сон крепкий. На аппетит не жаловались. Точно следовали распорядку дня, отлично выполняли задание, проявив ярко выраженную способность к концентрации внимания. А это свидетельствовало о полной их работоспособности. Оба космонавта были тщательно исследованы и после «полета». Общее состояние у них было хорошее. Изменений со стороны внутренних органов и нервно-психической сферы не обнаружено.

Заключение комиссии было единодушным: «небесные братья» полностью готовы к беспримерным космическим рейсам.

Москва, Красная площадь. Космическая суббота...

АВТОГРАФЫ Д

МИР ГОВОРИТ: «ОГО!»

Этот обзор был передан американским агентством Юнайтед Пресс Интернейшнл специально для «Огонька».

СКОТТ КАРПЕНТЕР, ВТОРОЙ АМЕРИКАНСКИЙ КОСМОНАВТ: «Ого! Это настоящее достижение. У нас ничего подобного сейчас не рассматривается!»

ФЛОРЕНС КАРПЕНТЕР, МАТЬ КОСМОНАВТА: «Если матери советских космонавтов чувствуют что-нибудь похожее на то, что чувствовала я, тогда у них прекрасное настроение!» Флоренс Карпентер обратилась с посланием к матерям двух космонавтов: «Я надеюсь, что вы радуетесь подвигам ваших сыновей, как я радовалась подвигу моего сына. И я надеюсь, что результат будет замечательным».

ДЖОН КЕННЕДИ, ПРЕЗИДЕНТ США, отправил специальное послание советским космонавтам. Отмечая их отвагу, он назвал запуск двух космических кораблей выдающимся техническим подвигом.

БЕРНАРД ЛОВЕЛЛ, ДИРЕКТОР ОБСЕРВАТОРИИ (АНГЛИЯ): «Это самый замечательный шаг, который когда-либо совершал человек... Полеты совершенно фантастичны!»

ДЖЕЙМС А. ЧЕМБЕРЛЕН (США), РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА «БЛИЗНЕЦЫ», ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ВСТРЕЧУ В КОСМОСЕ ДВУХ АМЕРИКАНСКИХ КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ, заявил, что только в 1964 году Соединенные Штаты смогут повторить то, что достигнуто Николаевым и Поповичем.

ИОАНН XXIII, ПАПА РИМСКИЙ, в специальном воскресном обращении призвал космических путешественников посвятить свои полеты богу: «Такие полеты могут стать выражением заметного прогресса прочной основы человеческого братства».

У ТАН, И. О. ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ООН: «Это еще один краеугольный камень, заложенный человеческим гением во имя покорения космоса, которое, как я надеюсь, будет использовано на благо всего человечества».

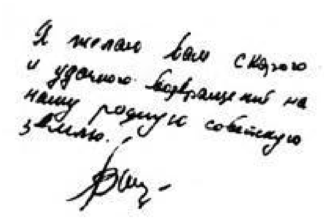
ЭЛВИН РОУЗМЕН, И. О. ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ЮНЕСКО: «Замечательный подвиг... Эти последние успехи советской науки являются свидетельством нового и важного прогресса в научном исследовании космического пространства».

ГАЗЕТА «ТЕМПО» (РИМ): «Значение полетов будет огромно, они помогут собрать научные данные огромной важности, особенно о возможности продолжительного пребывания человека в состоянии невесомости».

ГАЗЕТА «КОРЬЕРРЕ ДЕЛЛА СЕРА» (МИЛАН) писала перед стар-

Я желаю вам скорого и удачного возвращения на нашу родную советскую землю.

Желаю вам скорого возвращения на родную землю. Пятлин

すばらしいソ連科学の勝利！
平和の戦士ニコライエフ万歳!!
日本社会党代表団長 赤松勇

Вот это высоко и скоро! Командир ТУ-114
Привет и четвертому!

Фоторепортаж Н. БЫКОВА, О. КУПРИНА, И. ТУНКЕЛЯ

«Говорит Москва!..» Сколько раз эти два слова заставляли дрогнуть людские сердца в предчувствии новой победы рук и разума Человека! «Через несколько минут будет передано важное сообщение...» И на этот раз, утром 11 августа 1962 года, человечество не обманулось.

Время летело с космической быстротой. Космические вести закружили и нашу братию — журналистов. Кто? Откуда?

Обычно наши коллеги в таких случаях стремятся заполучить автографы виновников торжества — автографы «небесных братьев». Мы решили иначе: пусть на фотографии Третьего оставят свои автографы его соотечественники и гости столицы. Пусть автографы дают земляне!

И вот наша машина мчится по Москве. Начинается Земля, как известно, от Кремля...

У репродукторов, у автомашин люди, люди, люди... Все слушают. Все улыбаются. А где-то в надпланетных далях работает еще один радиоприемник. И человек, слушающий передачи Москвы, наверное, смотрит в иллюминатор на Землю. И тоже улыбается.

Мы знаем эту улыбку. Мы везем

Продолжение см. на стр. 8.

Кирилл Лосев и его друзья вышли на свою орбиту...

Балкон 5-го этажа — «апогей» семьи В. Вартанова.

Капитан А. А. Пятлин не скрывает: «Завидую!»

Исаму Акамацу (слева): «Николаев! Хорошо!..»

В кабине «ТУ-114» в момент, когда на орбиту вышел Четвертый.

А ЮТ ЗЕМЛЯНЕ...

том «Востока-4»: «Запуск на орбиту Николаева доказал превосходящую психологическую и политическую силу Советского Союза».

ГАЗЕТА «МОНД» (ПАРИЖ): «Советские ученые и космонавты оставили американцев далеко позади... Таким образом, Советский Союз продолжает набирать очки в этом невиданном рыцарском турнире, арена которого — безграничное космическое пространство, а зрители — народы всего мира... Николаев и Попович стали богами той религии, которая называется наукой».

ГАЗЕТА «НЬЮ-ЙОРК ДЖОРНЭЛ АМЕРИКЕН» (США): «Дуплетный космический триумф в России снова совершенно ясно показывает, что наша страна отстает в гонке, целью которой является Луна».

ГАЗЕТА «НЬЮ-ЙОРК ПОСТ» (США): «Советский Союз имеет все основания поздравить себя с историческими достижениями своих ученых и техников».

ГАЗЕТА «НЬЮ-ЙОРК ГЕРАЛЬД ТРИБЮН» (США): «Никакое чувство соперничества не могло бы оправдать уклонение от того, чтобы направить самые сердечные поздравления отважным космонавтам, а также ученым и инженерам, которые сделали возможным их подвиг».

ГАЗЕТА «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» (США) пишет, что Соединенные Штаты отстали от Советского Союза в космических исследованиях не безнадежно, «но больше, чем мы думали».

ГАЗЕТА «СИДНЕЙ САН» (АВСТРАЛИЯ): «Ясно и неопровержимо, что именно Россия запустит первого человека на Луну».

ДОКТОР ЛЕСТЕР Р. УЭЙЛ (АМЕРИКАНСКИЙ УЧЕНЫЙ, СПЕЦИАЛИСТ В ОБЛАСТИ КОСМОСА) заявил, что Советский Союз, сохраняя нынешние темпы, высадит человека на Луну на три года раньше, чем Соединенные Штаты, если американская программа не будет резко ускорена.

ДОКТОР ЭБЕРХАРД РИС (США), ГЛАВА ДЕПАРТАМЕНТА ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗВИТИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ ПО АЭРОНАВТИКЕ И ИССЛЕДОВАНИЮ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА, признал, что советские запуски последовали на шесть месяцев или даже на год раньше, чем он и его коллеги их ожидали.

Комментируя советские успехи в космосе, агентство ЮПИ пишет: «Для американцев наиболее важным аспектом советских космических полетов является, как видно, ушедшая далеко вперед советская техника, которая может быть использована для посылки на Луну человека.

Одновременный запуск на космическую орбиту двух советских космических кораблей был сюрпризом, который привел в замешательство американских ученых.

Ученые США отказались от идеи «прямого» полета на Луну, во время которого одна ракета понесет от Земли до Луны и обратно команду, космический корабль и двигатели для возвращения назад. Вместо этого они сосредоточились на разработке запуска двух космических кораблей, которые будут использованы для полета на Луну. В этой области, как они считали, они были впереди. Но двойной советский запуск показал всем научным учреждениям, занимающимся космосом в Америке, что Советский Союз обладает бо́льшими знаниями в важном вопросе — встрече двух кораблей в космосе».

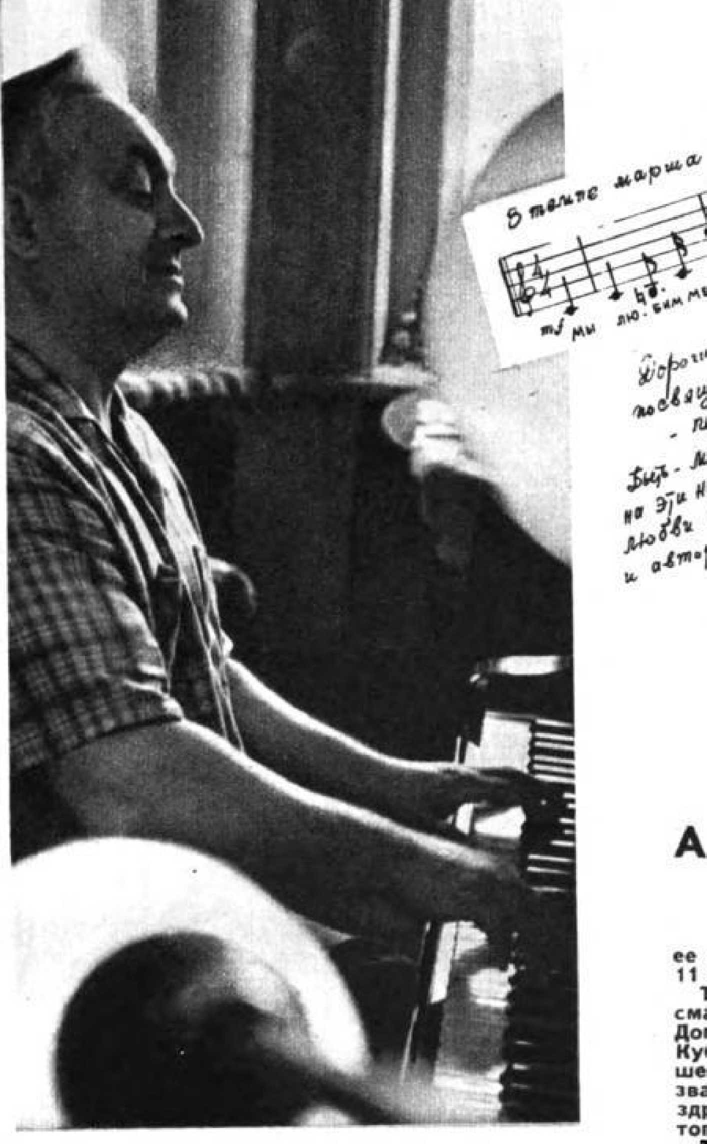
ЧАРЛЬЗ КОРДУРИ, ОБОЗРЕВАТЕЛЬ АГЕНТСТВА ЮНАЙТЕД ПРЕСС ИНТЕРНЕЙШНЛ, так выразил чувство, господствующее в Америке: «Последние советские подвиги в космосе поднимают вопрос: не будут ли первые американцы, прибывшие на Луну, встречены там русскими?»

Готова к звездному полету!

Найма Саар.

Вано Мурадели — космонавтам...

АВТОГРАФЫ ДАЮТ ЗЕМЛЯНЕ

ее с собой в людскую круговерть 11 августа.

Темнокожий юноша долго рассматривает портрет Николаева. Это Доминго Гарсиа, студент-медик с Кубы. На полях фотографии он пишет: «Это великолепная весть, вызвавшая удивление и восторг. Да здравствует мир!» Есть первый автограф.

Трое иностранцев посреди площади. Растерянны. Их переводчица спрашивает у нас: «Что случилось? Почему лозунги? Чей портрет у вас?» Перед нами американские туристы. Они еще ничего не знают. Мы с гордостью рассказываем гостям последние космические новости.

— О! Это — большое достижение! — восклицает миссис Грин, наша собеседница.

После шумного водоворота Красной площади тишина Института нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко. Нас вводят в небольшую палату. У столика в глубоком кресле сидит человек. Перед ним ваза с крупными кистями винограда... Разные чудеса бывают на земле. «Восток-3» — это чудо. А тут, в небольшой палате института, сидит и отрывает крупные ягоды от мокрой кисти человек с удивительными глазами. Это — тоже чудо! Его совершили медики. Интервью с лауреатом Ленинской премии академиком Львом Давыдовичем Ландау, только что вырванным врачами из рук смерти, было очень коротким. Но как дороги эти несколько слов от самого Дау!

Он рассматривает фотографию космонавта и говорит:

— Николаев? Великолепно!..

И опять мы колесим по столице. Новые и новые автографы появляются на полях фотографии Космонавта-Три. Вот люди чуть ли не в шлемах космонавтов. Это участники мотопробега по ударным комсомольским стройкам семилетки. Их маршрут: Москва — Целиноград — Алма-Ата — Фрунзе — Ош — Душанбе. Инженер Кирилл Лосев пишет: «Гордимся!..»

Мчимся на Юго-Запад. Новостройки. Техник телефонной станции 1-го Московского часового завода Вартанов занят хлопотливым, но приятным делом. Новосел! Он и его новые соседи заселяют дом № 9 по улице Удальцова. Владимир Андреевич Вартанов пожелал Андрияну Николаеву удачного возвращения.

А на другом конце Москвы только что к причалу Северного порта подошел трехпалубный красавец «Валерий Чкалов». Из Астрахани. Капитан Андрей Афанасьевич Пятлин — капитан потомственный, его прадеды рубили первый флот в устье Северной Двины. А нынче русские корабли в космосе...

Утро 12 августа. «Полет проходит успешно... Самочувствие отличное...» Еще одна встреча. Японская делегация на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир после поездки по Европе возвращается на родину. Руководитель группы член парламента Исаму Акамацу рисует иероглифы: «Это блистательная победа советской науки. Да здравствует борец за мир Николаев!»

В эту минуту земляне лучше понимают, как тесна наша планета.

...Готовится к прыжку Москва — Хабаровск гигант «ТУ-114». Вместо билета протягиваем фотографию, испещренную автографами. Девушка улыбается. Поднимаемся по трапу. Командир корабля Евгений Александрович Миндельбаум уже занял свое место. Штурман подает ему карту маршрута, а мы — фотографию. Командир корабля пишет: «Вот это высота и скорость, коллега!» И вдруг снова: «Говорит Москва!..»

Евгений Александрович поворачивает ручку приемника на полную громкость. Дописывает: «Привет и четвертому!»

А мы едем дальше. Теперь мы везем с собой еще одну улыбку — фотографию Космонавта-Четыре.

На Ленинградском проспекте строится новый дом. Стоп! Башенный кран медленно опускает очередную плиту перекрытия. Николай Комаров и Александр Жарков водружают ее на место.

— А Павел-то Попович мой годо́к,— говорит Комаров.— Я ведь тоже с тридцатого...

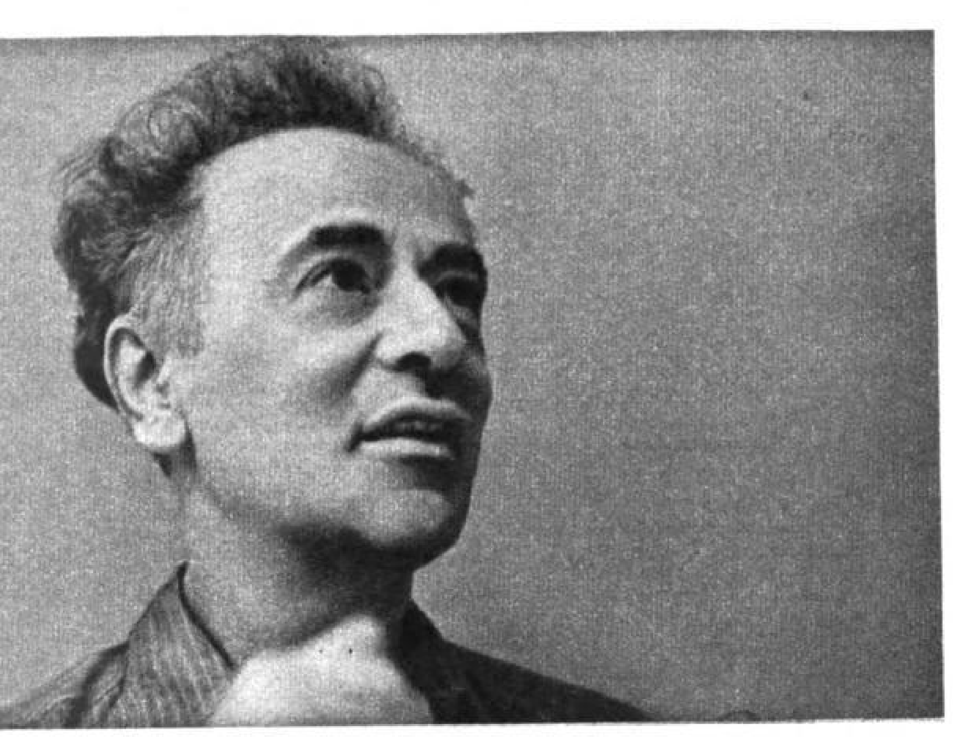
И такелажник Комаров пишет на фотографии: «Я очень рад за вас, дорогие мои сверстники. И мы будем тоже на высоте!»

...Выставка достижений народного хозяйства. На свиноферме сегодня новая хозяйка — Найма Юхановна Саар. Она только вчера приехала из эстонского совхоза «Тори». Для нее двойной праздник. По-русски Найма Саар говорит плохо. Она пишет по-эстонски. Сама переводит первые слова: «Очень хорошо, что человек может облететь вокруг Земли...» Больше русских слов у нее нет. Но мы видим, как свинарка смотрит на фотографии космонавтов, видим ее глаза.

...Павильон, посвященный достижениям в освоении космоса, никогда не пустует. Но сейчас здесь просто тесно. Две девушки примеряют шлем космонавта. Это сестры Эмма и Оля Аряшевы. Они из Братска — путешествуют... Небесные братья уже есть, неплохо бы стать небесными сестрами! И девушки пишут коротко и ясно: «Хотим к звездам!»

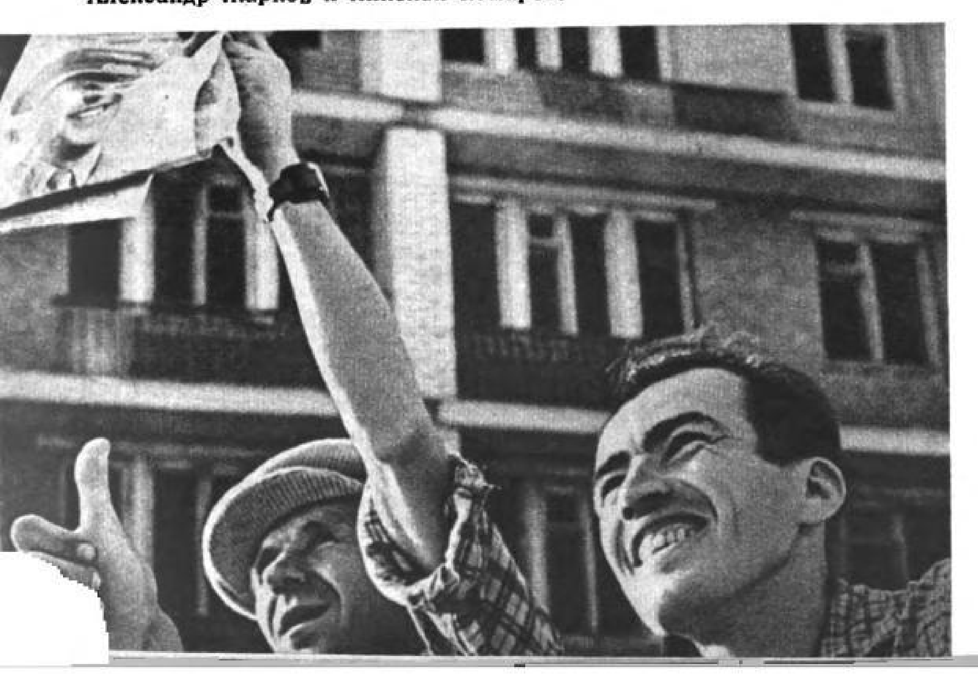
Еще одна встреча — и еще один автограф. На этот раз необычный — ноты. Композитор Вано Мурадели и поэт Евгений Долматовский написали новую песню — «Космонавты». Первая музыкальная фраза песни: «Мы любим мечтать о чуде...»

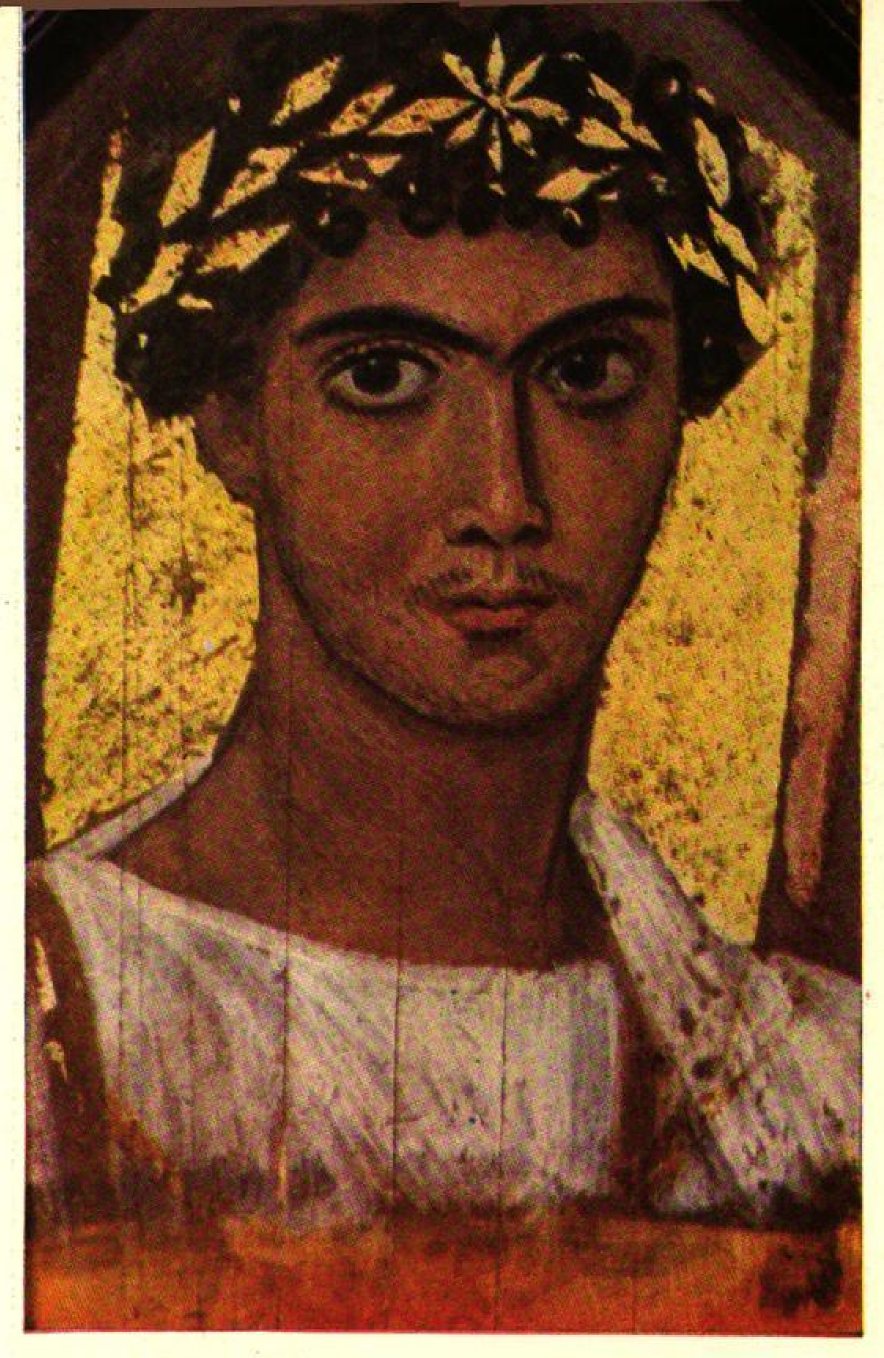
Да, мы умеем мечтать о чуде. И мы умеем творить чудеса. Большие и маленькие. Поднимать в небо космические корабли и выращивать пшеницу. Вырывать человеческую жизнь из рук смерти и строить красивые дома. И все это чудесные автографы, которые ежедневно оставляют братья-земляне на просторах своей планеты.

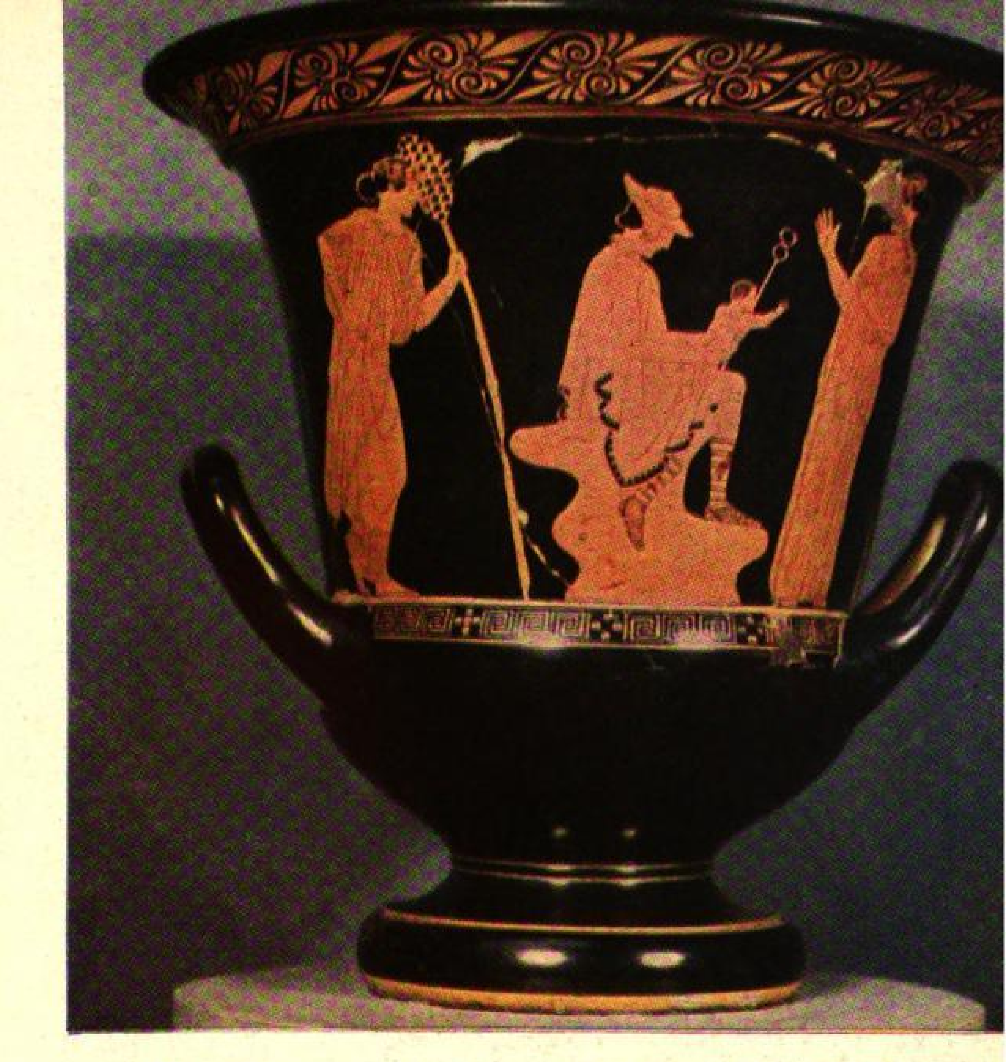
Академик Л. Ландау: «Великолепно!»

Александр Жарков и Николай Комаров.

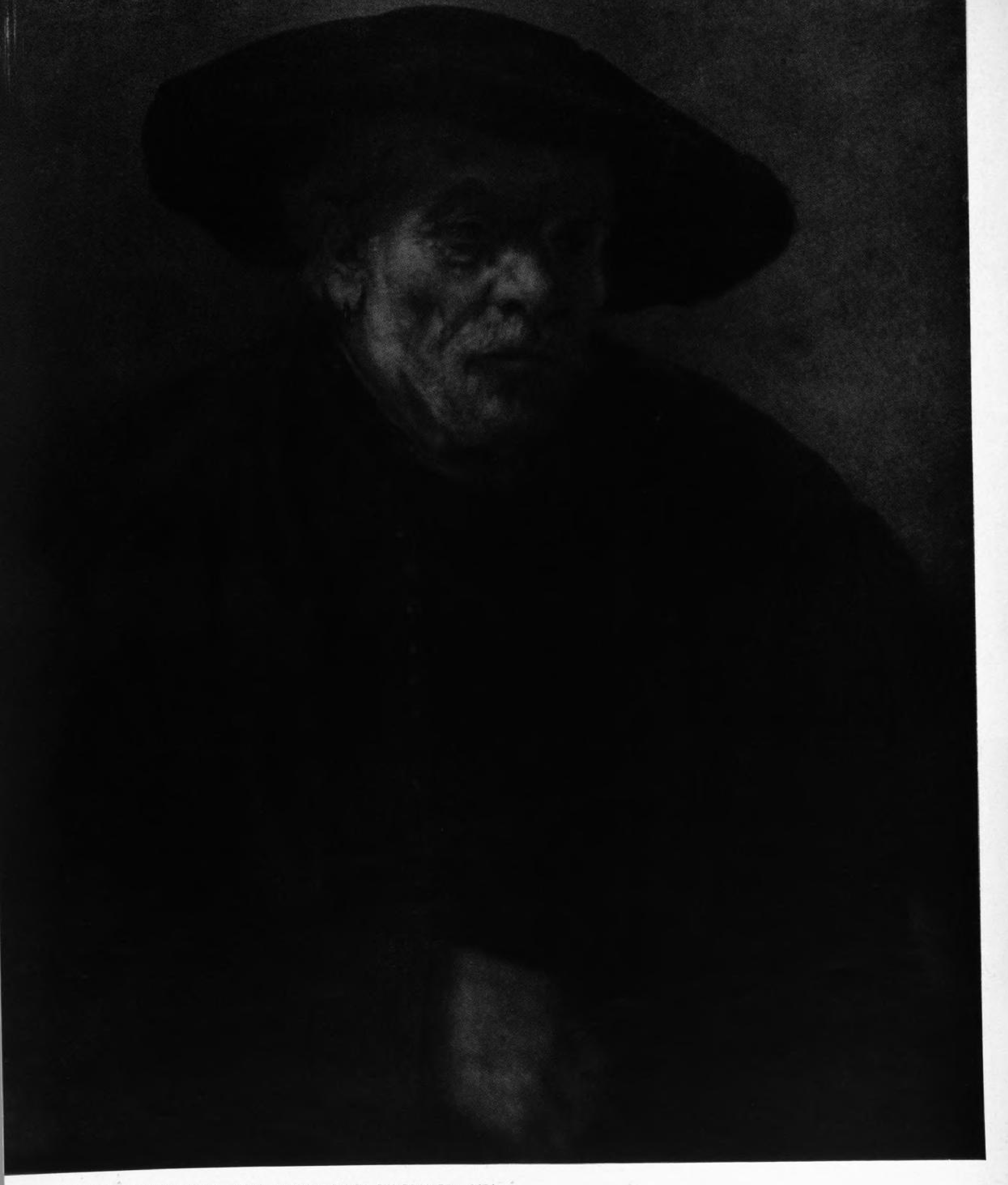
Египет. Середина II века н. э.
ПОРТРЕТ ЮНОШИ В ЗОЛОТОМ ВЕНКЕ.

Греция. Середина V века до н. э. КРАСНОФИГУРНЫЙ КРАТЕР.

Музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина

Джованни Баттиста Тьеполо (1696—1770). СМЕРТЬ ДИДОНЫ.

Рембрандт ван Рейн (1606—1669). ПОРТРЕТ БРАТА РЕМБРАНДТА. 1654.

С. МАРШАК

ИЗ А. А. МИЛЬНА

Александр Мильн (1882—1956) — один из классиков английской поэзии для детей. Книги его стихов давно уже пользуются любовью читателей — маленьких и больших.

Мы помещаем здесь несколько его стихотворений в свободном переводе С. Я. Маршака, сохраняющем характерные интонации и ритмы английского поэта.

Рисунки Л. СМЕХОВА

Непослушная мама

Джемс Джемс
Мóррисон Мóррисон,
А попросту —
Маленький Джим
Смотрел за упрямой,
Рассеянной мамой
Лучше,
Чем мама за ним.

Джемс Джемс
Говорил: — Дорогая,
Помни, что ездить одна
В город
До самого
Дальнего края
Ты без меня не должна!

Но очень упряма
Была его мама.
(Так люди о ней говорят.)
Упрямая мама
Надела упрямо
Свой самый
Красивый наряд.
«Поеду, поеду,—
Подумала мама,—
И буду к обеду
Назад!»

Король
Объявленье велел написать
И вывесить
Там, где надо.
«Пропала,
Ушла
Иль украдена мать,
И тем, кто сумеет
Ее отыскать,
Сто золотых награда!»

Искали-искали
Пропавшую маму,
Искали три ночи,
Три дня.
Был очень
Английский король озабочен,
И свита его,
И родня.

Английский король
Говорил королеве:
— Ну кто же из нас виноват,
Что многие мамы
Ужасно упрямы
И ездят одни, без ребят?

Я знаю,—
Сказал он,—
Ту площадь в столице,
Где мой расположен дворец.
Но в нашей столице
Легко заблудиться,
Попав
В отдаленный конец!

Джемс Джемс
Мóррисон Мóррисон,
А попросту — маленький Джим
Смотрел за упрямой,
Рассеянной мамой
Лучше, чем мама за ним.

Он очень скучал
По уехавшей маме.
— Но чья,— говорил он,— вина,
Что бедная мама
Решила упрямо
Куда-то поехать одна?..

Но вот отыскалась
Пропавшая мама.
С дороги
Пришла от нее телеграмма,
В которой писала она:
«Целую, здорова,
И — честное слово —
Не буду я ездить
Одна!»

Гоп-гоп

Мой Робин не ходит,
Как люди,—
Топ-топ,—
А мчится вприпрыжку,
Галопом —
Гоп-гоп!

Он мчится вприпрыжку,
Галопом — гоп-гоп!
И если гуляем мы вместе,
Напрасно в пути
Я кричу ему: «Стоп!» —
Не может стоять он на месте.

А если бы Робин
Не прыгал в пути,
Шагов десяти
Он не мог бы пройти
И скоро бы снова
Пустился в галоп —
Гоп!
Гоп!
Гоп!

У окна

Вот две капли дождевые
На стекле. Они живые.

Кто скорей домчится вниз,
Та получит первый приз.

Каждой капле дал я имя:
Это — Джонни, это — Джимми.

Первым в путь пустился Джим.
Джон покуда недвижим.

Джим немножко тяжелее,
Но за Джона я болею.

С места сдвинулся и он.
Поторапливайся, Джон!

Джим вперед летит без страха.
Джон ползет, как черепаха.

Но и Джим застрял в пути —
Должен муху обойти.

Джон догнал в дороге Джима
И спокойно мчится мимо.

Но и Джим неутомим —
Нажимает снова Джим,

Вниз несется что есть духу,
Налетел опять на муху.

Джон его и обогнал.
Молодец! Я так и знал.

Но исчез он, словно не был...
Тут и солнце вышло в небо!

Вежливость

Когда я родных
И знакомых встречаю,
Я кланяюсь,
Шляпу сорвав с головы,
И вежливо
Всем на вопрос отвечаю:
— Большое спасибо.
Прекрасно. А вы?

Но знаете,
Взрослые дяди и тети,
Я мог бы счастливее
Жить-поживать,
Когда бы любезный
Вопрос «Как живете?»
Никто мне при встрече
Не стал задавать!

До вылета — считанные минуты.

Перед заходом солнца небо затягивают тучи, гаснут последние багровые блики на плоскостях самолетов. Легкое серебро их обшивки становится сизо-стальным. Один за другим, высоко задрав нос, самолеты с пушечным грохотом отбрасывают от себя взлетную полосу и круто уходят вверх.

Полет в облаках, да еще когда наступает ночь,— дело и само по себе не простое. А ведь летчику-истребителю в этих условиях необходимо найти цель, идущую на большой высоте, и обязательно атаковать ее. Непременно атаковать!

Попробуйте представить себе, что ночью в тумане вам нужно поймать летучую мышь. Вот на что похожа задача, стоящая перед летчиком-истребителем, который идет в ночной полет. Это называется полет по сложному варианту. Высокое летное мастерство, совершенная авиационная техника и помощь боевых друзей с земли помогают авиатору решить столь нелегкую задачу.

Пока самолеты заправляются новой порцией горючего..

Снимки, помещенные на страницах журнала, сделаны в истребительной авиационной части, которой поручено охранять один из участков нашего неба.

Почти все летчики этой части могут одинаково хорошо выполнять боевые задания и днем и ночью. Многие из них не раз награждались ценными подарками, получали и другие поощрения. Последние стрельбы по наземным и воздушным целям весь летный состав выполнил с отличной оценкой. Можно быть уверенным: грозное оружие находится в надежных руках!

Г. МАКАРОВ
Фото автора.

Пулей вылетает летчик из кабины учебного катапультного устройства. Капитан Г. Лобецкий не раз катапультировался и с самолета.

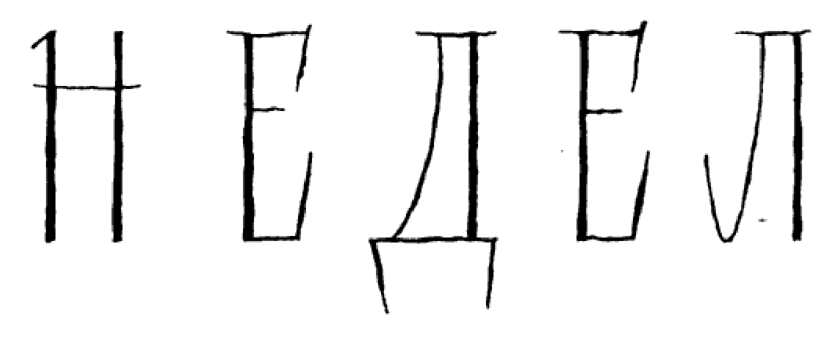
СЛОЖНЫЙ ВА

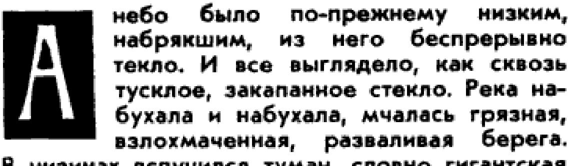

Сегодня полеты проходят в классе: с помощью специальных тренажеров здесь полностью имитируются условия полета.

РИАНТ

Капитан А. Бабакин в «полете».

А небо было по-прежнему низким, набрякшим, из него беспрерывно текло. И все выглядело, как сквозь тусклое, закапанное стекло. Река набухала и набухала, мчалась грязная, взлохмаченная, разваливая берега. В низинах вспучился туман, словно гигантская плесень.

Видимости под водой почти совсем не было, работать приходилось в буром мраке. Сильное течение быстро изменяло рельеф дна. Бухов тратил много лишнего времени на ориентировку. Он стал злым, раздражительным, с ненавистью бросал за борт окурки и даже плевал в реку, что было явным и зловещим нарушением флотского обычая.

Презрительно оглядывая зябнущего на баркасе Левкина, Бухов советовал:

— Ты бы зонтиком обзавелся, что ли, а то промокнешь, простынешь, разведешь гриппозную заразу.

Коля молчал, молчал даже тогда, когда Лена Кукушкина спросила томным голосом:

— Тебе Бухов нравится? — И сообщила вызывающе: — А мне очень...

Однажды Коля услышал, что Бухов сказал Лене:

— Вы действуете на меня сильнее, чем все земное притяжение.

Лена простодушно призналась:

— Вы на меня тоже.

Бухов подошел к Коле, спросил:

— Слышал?

— Слышал,— сказал Коля и осведомился, в свою очередь: — Ну и что?

— А то,— сказал Бухов, подмигивая.— Потвоему, жизнь есть способ существования белковых тел. Так? Вот мы, значит, и существуем.

— Вот именно,— сказал Коля,— существуете...

Коля тяжело переживал внезапную враждебность Бухова. Но он твердо решил «не выходить из служебных рамок». Кукушкиной самоотверженно заявил:

— Бухов человек неординарный.— И, преодолевая спазму в горле, добавил: — Я тебя понимаю.

— Да...— сказала Лена.

Коля поспешно объяснил:

— Но я полагаю, с его стороны это только полемический выпад...

Теперь Лена сопровождала Бухова в прогулках, и он рассказал ей, как однажды загорелся его самолет и пламя обдувало вторую кабину, где сидел стрелок-радист, и этот стрелок-радист горел заживо и все же не переставал вести огонь по «мессерам», хотя Бухов приказал ему прыгать с парашютом.

— Вот вам, пожалуйста, факт: сгорел человек за идею, мог в два счета выпрыгнуть, а не прыгнул. И знаешь, почему? Он передо мной, беспартийным, постеснялся выпрыгнуть... Я бы на его месте, возможно, тоже не выпрыгнул, но не из-за идеи, а просто из самолюбия, чтобы пилот не подумал, будто я струсил.— Признался доверительно: — Я вообще о себе слишком много воображаю, будто на земле самый главный, а какой я главный, если хочется, понимаешь, иногда для собственного удовольствия плохое другому человеку сделать.

— Я не понимаю,— спросила растерянно Лена,— что вы имеете в виду.

— А вот,— сказал Бухов и, просунув руку под распахнутый плащ Лены, сильно прижал ее к себе.

Из прически Лены выпала полукруглая гребенка. Глаза ее стали испуганными и счастливыми, губы вспухли и дрожали.

Бухов наклонился над ее ртом, дохнул табаком и вдруг, отстранив от себя, сощурившись, осмотрел ее одним взглядом:

— Ты курица! Я же хищный человек, разве так со мной можно?

— Можно! — сказала возмущенно Лена.— Вы думаете, я не знаю, что вы воображаете? Знаю.— Улыбнулась снисходительно.— А на самом деле вы симпатичный, только на все плохое очень резко реагируете и от этого считаете себя плохим, а на самом деле оттого, что вы такой резкий, вы и есть очень хороший. И вы мне нравитесь.— Доверчиво подняла лицо.— Я Коле говорила: вы мне Лермонтова напоминаете, он был такой же, как вы, маленького роста, смелый и злой ко всему злому.

— Ты Лермонтова оставь,— сказал Бухов, цепко беря Лену повыше локтя,— ты скажи по-честному, сильно я тебе нравлюсь или не сильно.

Лена посмотрела на пальцы Бухова, сжимавшие ее руку, вздохнула.

— Нет, пожалуй, не очень сильно.— И, придя в смятение от этого откровенного, казалось ей, столь оскорбительного для Бухова признания, поспешно объяснила: — Я вас с Галей Волжиновой обсуждала, и мы за то, что вы так много в жизни перенесли, решили, если вам у нас скучно будет, пожалуйста, ей или мне гулять с вами по скольку угодно километров на высоких каблуках, лишь бы вы не чувствовали одиночества.— Деловито пояснила: — Конечно, я себя перед местным населением компрометирую, но считаю себя выше сплетен.— Призналась со вздохом: — А кроме того, мне с вами даже приятно, хотя и жутко, но все равно приятно.

— Значит, ты меня опасаешься? — спросил Бухов.

— Не вас,— гордо сказала Лена,— а себя. Хоть я с Галей о вас и договаривалась, но, в сущности, мне просто хотелось с вами быть, а договаривалась с Галей я скорей всего для того, чтобы не стыдно было перед ней, что я с вами бываю. Видите, какая я нечестная и хитрая.

— А с Левкиным ты тоже договаривалась?

Лена пожала плечами.

— Коля очень умный и наблюдательный, он все без слов понимает.

— Что же именно?

Лена отвернулась и, шаркая ногой, неохотно пробормотала:

— То, что я ему вызов бросила.

— Какой вызов?

Лицо Лены стало красным, сердитым.

— А вот,— сказала она гневно,— если он меня не схватит, то меня кто-нибудь другой схватит, и тогда мы с Колей станем на всю жизнь несчастными.

— Значит, ты его любишь?

— Да нет,— раздраженно заявила Лена,— я его не люблю, но предпочла бы именно его полюбить, если бы он хотя бы немножко стал другим.

— Каким?

Лена восхищенно оглядела Бухова и объявила:

— Ну хотя бы чуть-чуть на вас похожим...

Вечером Бухов жаловался Мочалину:

— Надо мне кончать эту работенку во влаге.

— Это почему?

— Критический возраст почувствовал.

— Сердце давит?

— Не сердце,— негодующе заявил Бухов,— а, понимаешь, недавно девчонка со мной откровенно, как с пожилым человеком, беседовала, а я все полагал, держусь на уровне среднего возраста.

Мочалин сказал сочувственно:

— Меня тоже года прижали. Раньше как? Запью таблетку спиртом — утром законная температура. А теперь три раза в день лекарствами питаюсь, а где эффект? Нет эффекта.— Мочалин штопал меховые чулки-шубники. Он втыкал иглу ладонью с надетым на нее куском кожи, заменяющим морякам наперсток, и лицо его было суровым и озабоченным. Признался: — Я в молодости сильно палачествовал над своим здоровьем, а любая зараза меня избегала.— Подумав, заявил: — Все ж таки мы с тобой люди с повышенной покупательной способностью и без приговора медкомиссии. Зачем же от материальных благ зря отказываться? Профессия у нас хорошая.— Повощил нитку, произнес задумчиво: — И работка у нас не такая чтоб уж очень рисковая. Это улицу опасно переходить. В Америке, например, я читал, в год пешеходов ухлопывают больше, чем они во время войны людей потеряли. Вот где одни ЧП, а в нашем ведомстве давно фактов не было.

— Степа,— проникновенно спросил Бухов,— ты о жене скучаешь?

— Я от нее на работе отдыхаю,— буркнул Мочалин.— Ребята выросли, так ей делать нечего, как вернусь домой, меня воспитывает.

— А ты ей изменял?

— Это зачем же? — равнодушно спросил Мочалин. — Я добровольно женился.

— Значит, любишь?

Мочалин задумался, поднял крупную костистую голову, долго тер впалый висок ладонью. Натужливо произнес:

— Вначале. Потом как вжились друг в друга! — Усмехнулся.— Смешно! Вроде как не представляю, чтоб я без нее отдельно существовал. Так привык, значит.— Погладил согнутым указательным пальцем ус, подмигнул.— Хотя разнообразных женщин и замечаю, но из-за их факта существования никакого себе дифферента не позволял.

— Не пожалеешь?

— Кого? — спросил лукаво Мочалин.— Их? — Потом вдруг, став суровым, произнес негромко и сипло: — А за такой разговор спасибо тебе, Василий Григорьевич.

— Это почему спасибо?

— А потому,— сказал Мочалин.— Если б ты с Кукушкиной себя забыл, я бы тебя подушил как следует.

— То есть как это, подушил? — спросил Бухов и угрожающе поднялся.

— Очень просто,— сказал Мочалин. И сделал движение руками, словно перегибал воздушный шланг.— Ты бы у меня там под водой порыдал, поизвинялся бы до полного изумления.— Сказал твердо: — А ты что думал: с тобой церемониться, если б в девчонке счастье убил? — Сощурился, будто прицеливаясь в лоб Бухову.— Ты думаешь, я только своим дочерям отец, нет, я себя чувствую отцом каждой девчонки паршивой, так что вот.— И Мочалин повторил жест, которым он показал, будто перегибает воздушный шланг.

Бухов, потрогав тугие, округлые, как крокетные шары, бицепсы Мочалина, заметил одобрительно:

— Подходящие прыщики.— И вдруг резким движением перебросил огромного Мочалина через плечо на пол. Сообщил небрежно:— Можем и с вывертом плечевых, локтевых и прочих суставов, а также с перешибом костей. Обучен, так сказать, для действий в тылу.

Окончание. См. «Огонек» № 33.

Ю ДОЖДЬ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

— Хорош! — сказал Мочалин, ухмыляясь, и, не меняя выражения лица, подцепил ноги Бухова сзади ступней, толкнул другой ногой, и Бухов, как подрезанный, упал на грудь Мочалину. Отгибая руки Бухова за спину, Мочалин снисходительно бормотал: — Мы тоже не из штатских, тоже в тылу у них кое-чего делали.— Скрутив Бухова, он поднял его на руках и пропел, раскачивая: — «Баю-баю хочет Вася, баю-баю хочет милый»,— бросил на койку и объявил без всякой одышки: — А все ж таки чистый ты человек оказался, вполне аккуратной души.— Потом рассмеялся: — Глубоко тебя понимаю, я человек закаленный и то в пол-глаза погляжу на Кукушкину — существо восхищающее.— И признался сконфуженно: — Я ведь хворый, на бюллетене, а каждый день бритый. Отчего? Инстинкт. Видал, как красота воодушевляюще на человека действует? — Поднял палец.— Я полагаю, при коммунизме от хорошего образа жизни и питания красивых людей в процентном отношении больше будет.

— Это правильно,— согласился Бухов, аккуратно складывая снятую с себя одежду на табуретку. Залезая под одеяло, Бухов сказал:— Вчера мне глупый сон приснился: будто стою я на площади, как памятник, а пьедесталом у меня пивная бочка.

— Пустая или полная? — деловито осведомился Мочалин.

— Не знаю.

— А надо было б слезть и проверить.— Мочалин заслонил свет газетой, чтобы не мешать Бухову, и начал с удивительной ловкостью штопать огромной иглой шерстяные водолазные рейтузы Бухова, порванные на коленях и на заду.

В окне кривлялись потоки дождя, и струи шлепали по земле так, словно босые люди бегали вокруг барака и часто и тяжело дышали. Пахло сыростью, затхлостью и пресно туманом от реки.

Наконец врач разрешил Мочалину ходить под воду. И сразу он стал добродушным, симпатичным человеком. Даже костистое, лошадиное лицо его обрело милое, озабоченное выражение. Только сейчас стало понятно, как он сильно тяготился вынужденным бездельем. Он сказал дружелюбно Коле Левкину:

— Это ты правильно обратил мое внимание: если раскаленное тело весит больше, чем холодное, то больной человек весит больше, чем здоровый. Я лично на себе это прочувствовал. Могу быть свидетелем. А насчет того, что Земля летает вокруг Солнца со скоростью тридцать километров в секунду, это ты меня зря информировал во время болезни. Лежу ночью на койке и, понимаешь, чувствую: несусь куда-то в мировое пространство без всяких тормозов, и от этого тоска во всем теле.

Во время войны Мочалин работал как узкий специалист. Его доставляли на специальном быстроходном судне к месту потопления вражеских кораблей и подводных лодок: он должен был только разыскать, добыть карты в свинцовых переплетах, лоции, шифры и другие секретные документы. Работа на больших глубинах, в трущобах потопленного корабля была сама по себе опасной, но обычно противник высылал к месту гибели своего судна авиацию, корабли и подводные лодки. С нашей стороны делали то же. Завязывалась морская битва.

В минуты опасности Мочалин умел обретать спокойствие. Объяснял морякам:

— Моя какая тактика? Не надо нервно за жизнь цепляться. Думай в критическом положении о том, где и как тебя обидели, о всяких неприятностях, тогда тебя не очень сильно на поверхность будет тянуть. И ты сможешь терпеливо лежать и ждать, пока тебя спасут. Но и тут крайности излишни. Вот я себе нервную систему отрепетировал. Лежал, помню, на Балтике под грунтом больше двух суток и от своего спокойствия чуть было не отсуществовал. В сон меня тянуло. А что значит сон в таком положении? Забудешь затылком давить на клапан, перестанешь воздух стравливать, разопрет рубашку, она и лопнет. В таком ЧП надо, наоборот, думать о чем-нибудь приятном, чтобы тебя на поверхность всей душой звало, аж пальцы в шубниках копошились от нетерпения. Тогда ты не заснешь. Меня чем от сна спасали? Сначала вроде концерта в телефон устроили. А меня от него еще больше в сон тянет.

Потом политрук разъяснял всеобщую обстановку и о красоте героизма говорил. А какая тут красота, если ты скафандр в сортир обратил! Экипаж корабля со мной по телефону беседовал вежливо, ласково, будто я больной или умирающий. А меня от этой скуки только сильнее спать тянет. И кто меня спас? Наш боцман. Пристал: «Куда разводной ключ положил?» А я не помню! А он: «Ты его в Мурманске, наверное, водопроводчикам продал!» Оскорбление! Я кричу: «Ты, барбос, погляди в кубрике, под койкой или в моем сундучке, на баке в рундуке, в машинном отделении, где концы обтирочные...»

Так почти сутки он меня обзывал, а я его по всему кораблю гонял. Капитана к телефону вызвал, помощника, политрука — жалуюсь им на оскорбительное подозрение. А они: «Мы не в курсе, вы сами с боцманом выясняйте». Ну, думаю, вот гады, умру заподозренным. Понятно, волнуюсь. Тут уж не до сна. На третьи сутки подняли. Потребовал, чтоб лишние удалились, когда снаряжение снимать будут, принял душ. Пошел отдыхать на койку. Врач давление меряет, за пульс хватается. А у меня все из головы история с разводным ключом не выходит. Говорю врачу: «Извините»,— полез под койку, смотрю: лежит разводной ключ на самом заметном месте. Я боцмана кричу. Пришел, ухмыляется. Я ему — р-раз... Слабый был, не сильно получилось... Все-таки покачнулся боцман, но опять ухмыляется. «Я,— говорит,— Степа, тебя нарочно оскорблял, потому что на остальное ты бесчувственный. Ты,— говорит,— оцени мою фантазию, когда выспишься. И если б не мой художественный вымысел, уснул бы ты там на грунте навек в лопнувшем скафандре в полном расцвете своих девятнадцати лет».

Спал я больше суток, проснулся, полез под койку за бутсами, а там, извините, пустая кастрюлька стоит, накрытая бумажкой. Вот ведь знал: будут разыгрывать. Человек, можно сказать, чудом живой остался, а они смеются. Очень непессимистический у нас народ.

Мне в одном фиорде из нашей погибшей подводной лодки надо было в легководолазном документацию снять. А немцы уже свою водолазную экспедицию снарядили. Вот я выждал, пока их водолаз газовым резаком обшивку лодки против рубки прорезал, проделал проход и полез внутрь копаться, а я сначала ножом перепилил его сигнальный конец, а уж потом согнул шланг, придушил слегка, не досмерти. Взял у него, обеспамятевшего, всю документацию, которую он в сетку, как в авоську, сложил, и вернулся на свою базу. Убивать мне его не захотелось, подумал: «И так у нас, водолазов, всегда смерть рядом. Что я, акула — под водой человека резать?» Прихожу в кубрик к ребятам — встречают уважительно,— и вдруг, понимаете, приходит комиссар и подает мне золотые часы на мокром ремешке, спрашивает: — «Ваши?» «Никак нет». «А чьи же?» «Не могу знать».

Подает другие часы, тоже на мокром ремешке.

«А эти тоже не ваши? А серебряный портсигар? Может, тоже не ваш?»

Я, конечно, побелел. Но встал, как положено, по команде смирно.

«В чем дело, товарищ комиссар?»

А он говорит: «Вы успокойтесь. Я просто хочу продемонстрировать команде фашистские нравы гитлеровских водолазов. Фашист положил в сетку не только документацию с нашей подводной лодки, но и снял различные ценные вещи с наших погибших товарищей, а краснофлотец Мочалин отпустил этого фашиста восвояси. Вот и все, о чем я хотел команде сообщить».

И началось! Как немцы по нашему кораблю бьют, так обязательно ко мне ребята с вопросом: «Степа, погляди внимательно, это не твой фашистский дружок тебе в благодарность подарок прислал?» — и суют под нос горячий осколок. До самого конца войны дразнились. Те, кто в живых оставался, эту дразнилку новому пополнению передавали, установили корабельную традицию.

Мочалин говорил с угрюмым выражением лица:

— Русский народ отчаянно смешливый. Вот англичане, те при всех обстоятельствах серьезные и трепаться не любят. Так вот по роже я за англичанина могу вполне сойти, видал: про веселое рассказываю, а зубы при этом не скалю, не ухмыляюсь.

Обо всем этом Мочалин повествовал густым, утробным, монотонно гудящим басом. Потребность разговаривать появилась у него сразу после того, как получил разрешение ходить

под воду. И эта разговорчивость была тоже выражением его радости, что он вновь «полноценный».

— Я, ребята,— признавался он,— без дела сразу сильно глупею и на всех людей, как человеконенавистник, кидаюсь, а на работе снова добрею.— Удивлялся: — Ведь вот как человек правильно устроен. Он, говорят, сначала даже не обезьяной, а микробом был, а после животным, а из животного благодаря труду стал человеком. Вот, значит, тянет инстинкт на работу, чтоб дальше совершенствоваться.

— В ангела? — с улыбкой спрашивала Лена.

— Ангелов от убожества воображения религия выдумала,— серьезно отвечал Мочалин. — Есть другой норматив. — И закончил печально: — Конечно, много лучше я уже не стану, но кое-каким резервом в этом смысле располагаем.

— Ты что, молоко везешь, что ли? — Но, вглядевшись в выражение его лица, понял, рассмеялся, похлопал по плечу: — Да эту взрывчатку сколько угодно тряси на любых ухабах, ничего не будет. Она на удары смирная, без взрывателей — мука́, и все. Я в партизанах был. Нам летчики как-то тол брусками в мешках покидали, а население подняло — думали, мыло; стали по домам пробовать — не мылится. «Вот, — говорят, наши тоже, как немцы, эрзацы стали выпускать». А этим эрзацем при обдуманном обращении мы целые эшелоны метров на десять от железнодорожного полотна швыряли.

Гымза приходил на водолазный бот и, не решаясь высказывать прямого своего неудовольствия затянувшимися сроками, мечтательно оглядывал речную даль.

— А ведь речушка смирной всегда считалась. Для крупной рыбы помещение тесноватое, больше плотва. В засушливое время, полагаю, здесь, как говорится, воробью по колено.

— Шли бы вы куда-нибудь в другое место поруководить,— советовал Мочалин.

— Я ведь только про пейзажи задумался,— хитрил Гымза.— Возможно, обижаетесь, что не гляжу на вас с восторгом. А у меня что перед глазами? Один план. Я его подписал, он меня и казнит. Какое сегодня число? — Схватился за голову: — Ну все! Снимут, как пить дать, снимут!

— Да ведь мы же и так от пота не высыхаем! — упрекнул Мочалин.

Гымза, простирая ладонь, произнес высокопарно:

— Никаких жертвоприношений не принимаю. Только график.

— Пузоносец ты, вот кто! — рассердился Мочалин.

— Много ем, потому что нервный,— строго сказал Гымза, — от этого и полнота. А кругом одни неприятности и срывы сроков. Другой бы запил, а я предпочитаю пищей здоровье подламывать, чем водкой.

Когда Гымза спускался по трапу, грузные щеки его трепыхались. Показал пальцем на бурун в реке:

— Это товарищ Бухов бурлит. — Сел в лодку, прижимая к животу брезентовый портфель, покрытый жирными пятнами мазута. Скомандовал гребцу: — Давай!

На душе у Гымзы было скверно. Глядя на обломанные берега в пробоинах стрижиных гнезд, думал о том, какой он, в сущности, добрый, мягкий и безвольный человек. Зная в себе эти черты, боясь их и борясь с ними, он впадал в противоположную крайность — симулировал твердость, волевую решимость, грубость. И потом, когда оставался один, вспоминая, как он вел себя с людьми, Гымза испытывал к себе отвращение; хотел пойти извиниться перед людьми, которых он обидел, сказать им о себе правду, но он хорошо знал, что никогда не решится этого сделать, потому что застенчив. И сейчас, в смятении оттого, что так нехорошо вел себя с Мочалиным, Гымза зябко ежился, громко вздыхал и вдруг, поймав себя на том, что его жалобные вздохи слушает гребец-плотник, прикрикнул на него грубым голосом:

— Ну, ты! Давай веселее махай, что ты, малокровный? — И тут же, смутившись от этого начальнического окрика, побагровел и, чтоб скрыть лицо, открыл портфель, склонился над ним и стал озабоченно копаться в бумагах.

Водолазы подготовили забои, чтобы одним массовым взрывом пробить траншею в скальном выходе дна реки, куда потом лягут стальные трубы нефтепровода.

Рано утром Бухов отправился в райцентр на базу, где получил материалы для взрывных работ. Пятитонка, на которой везли эти материалы, с обоих бортов была обвешана красными флажками, знаками грозного предупреждения — груз взрывоопасен. Бухов сидел в кабине рядом с шофером. В боковом кармане пиджака лежали завернутые в пропарафиненную бумагу медные капсюли запалов.

Шофер, белобрысый паренек, вел машину бережно и напряженно. Голова его вжата в плечи, зрачки расширены, губа закушена, на лбу выпуклые мелкие капельки пота.

Бухов смотрел на затянутое тучами небо, на зеленую мглу леса, на высокие желтые хлеба, на худощавые молодые деревца, посаженные вдоль дороги, и думал печально о том, что он уже не увидит эти деревца взрослыми; да и вообще больше никогда здесь не будет,— этот речной переход только мелькнет в его жизни, как уже мелькало очень многое. И жизнь людей, с которыми он здесь познакомился, тоже мелькнет и исчезнет из его жизни так же, как и его жизнь мелькнет и исчезнет из их жизни. Но почему он, зная все это, старается произвести впечатление на этих случайных для него людей, и мало того: ведь он даже расстроился, что Коля, возможно, в силу своей недостаточной настойчивости не добьется в жизни того, чего, по мнению Бухова, заслуживает. Или вот тоже Лена Кукушкина. Зачем понадобилось пугать девчонку, выступать перед ней в обличье хладнокровного погубителя? Во-первых, если говорить начистоту, Бухов поступил так не только из-за прекрасных педагогических побуждений: он смятенно почувствовал, что она ему нравится. Во-вторых, из трусости и самолюбия, чтобы она не высмеяла его, не нашел ничего лучшего, как притвориться перед ней остывшим и все на свете испытавшим героем-гордецом. И с Колей Левкиным? Ну на что он толкал парня, за что высмеивал, называл тряпкой? Ведь сам Бухов никогда в жизни ничего не добивался и не добился для себя лично, да и не стал бы из гордости и самолюбия добиваться. Конечно, для другого или для других не совестно, можно и на крайность даже пойти, как это бывало у Бухова не однажды...

Машина еле ползла.

Бухов, оторвавшись от своих размышлений, с негодованием спросил шофера:

Шофер, выходя из судорожного оцепенения, зарумянился, солидно объявил:

— Я полагаю, горючее в наших ракетах наверняка из какой-нибудь взрывчатки, и вообще, надо думать, поршневые двигатели скоро снимем как исторические древности. — Осведомился: — А если вместо экскаваторов оросительные и ирригационные каналы малыми зарядами пробивать, получится, как вы думаете?

— Получится, — сказал Бухов. — У нас все получается. — И этот парень, шофер, тоже взволновал Бухова. «Вот, — подумал Бухов, — тип, как у него мысль работает! Сначала от страшного груза затих, а потом как расхрабрился, — взрывчаткой каналы пробивать... Здорово, конечно, было бы, если бы насобачиться, заложить микрозаряды, а потом как дать — протяженность километров сразу на десять. И труда экономия и времени. Надо только, чтобы взрывчатка сильно подешевела, для этого химическую промышленность побыстрее поднять».

И вдруг Бухов с какой-то удивительной ясностью понял, что он причастен к мечте этого парня. Ведь он прокладывает по дну реки траншею для нефтепровода, а нефтепровод идет к химзаводу. И все у нас в стране находится во взаимозависимости. Если Бухов быстрее пробьет в скальном грунте под водой траншею, быстрее проложат нефтепровод, химзавод быстрее получит сырье. И быстрее выпустит продукцию, и этот паренек-шофер — может быть, этак лет через пять...

— Ты кем будешь? — спросил Бухов шофера. Тот равнодушно ответил:

— Болотоведом.

— Это что за штука такая? — удивился Бухов.

— Очень просто,— сказал паренек.— Болото — та же пустыня, только не от недостатка влаги, а от ее чрезмерного изобилия. Ну вот и буду эту пустыню ликвидировать. Болота — это огромные и богатейшие почвенные ресурсы, это перспектива.

— Ну вас к черту! — рассердился Бухов.

— Вы что ругаетесь? — спросил шофер.

— Это я для себя,— успокоительно заявил Бухов.— Жить до чего будет впереди интересно, даже смешно!

Шофер деловито спросил:

— Значит, могу жать на полную?

— Давай,— сказал Бухов,— не опасайся, жми!

Когда машина мчалась по проселочной дороге, выплескивая из колеи плоские фонтаны грязи, Бухов отчетливо вспомнил, как он вот так же, на полуторке, нагруженной ящиками с минами, мчался по простреливаемой немцами дороге и чувствовал в желудке боль и ледяной холод. Солдат-шофер, уткнувшись подбородком в баранку, смотрел остановившимися от ужаса глазами вперед, где с хрустом лопались снаряды, вспыхивало оранжевыми кустами пламя разрывов. Горячий, пахнущий химией тугой воздух шатал машину, и они мчались, как в бездну. И вдруг солдат-шофер, покосившись через вздернутое плечо на Бухова, спросил озабоченно:

— Не знаешь, почем такой снаряд у немцев стоит? — И кивнул туда, где только что ахнул взрыв, не дожидаясь ответа, произнес хвастливо: — Я считал, на меня немцы уже штук 170 снарядов истратили. — Добавил с удовлетворением: — Обойдусь я им в случае чего не в малую копеечку.

И Бухов помнил этого солдата-шофера с потным лицом, в потной гимнастерке так отчетливо, будто он только вчера был вместе с ним на фронтовой дороге и никогда, до конца жизни его не забудет. А вот этого паренька-шофера он забудет и, возможно, даже сегодня вечером забудет, хотя, смотрите, какой паренек интересный, как ловко, прямо на ходу, придумал пустить взрывчатку для сельского хозяйства. И все-таки его Бухов забудет. А вот того, в гимнастерке, с расстегнутым воротом, в черных пятнах солидола, он никогда не забудет и слова его не забудет. А что он, собственно, такого сказал, тот солдат-шофер: просто приценился, хотел узнать, почем немецкий снаряд стоит, которым по нему били и которым, возможно, его убили. Только он задешево не хотел погибать, этот солдат-шофер. Вся мечта его была, чтобы задешево не умереть. Только и всего.

И он тоже был молодой и белобрысый, как этот шофер, и такой же молодой, как Коля Левкин, да и сам Бухов тогда был таким же молодым, как и они, но смерти он не боялся, нет! Из любознательности, из азарта не боялся, из самолюбия не боялся. Он больше всего боялся показаться трусом, этого он боялся. Это для него страшнее всего тогда было — показаться трусом. Но никто никогда не заметил, что он боялся, потому что он считался храбрецом и был храбрецом. И храбрецом даже выгоднее быть, потому что храбрецов все любили на фронте и легко прощали им их недостатки.

И Бухов подумал, что он, пожалуй, мог бы пойти работать на авиазавод, неплохо зарабатывать, жить вместе с семьей. Но тогда бы он стал и для жены и сына самым обыкновенным, и его недостатки стали бы сильно заметными. А вот когда он ездит в командировки, работает водолазом, дома считают, что это опасная и смелая профессия, что он храбрец, и просто не замечают его недостатков, и, больше того, его недостатки нравятся жене, потому что она наивно считает, что храбрые люди обязательно должны быть резкие, решительные и даже немножко грубые. И жена не подозревает, что Бухов скучает о ней, что она ему снится и что он тоскливо и злобно ревнует ее к прежнему мужу, ревнует во сне, и когда проснется, ему хочется все бросить и уехать домой, рассказать, как он скучает, томится, но никогда в жизни Бухов этого не скажет жене. Он человек смелой профессии, храбрец, настоящий крепкий мужик. Перед новым отъездом он усмехнется и скажет: «Ну, пора в новое Аш два О погружаться, а то тут у вас на корню засохнешь. Привет!» — И помашет свободной рукой жене и сыну.

А в другой руке у него фронтовой старый фибровый чемодан, с которым он не расстается. Стыдно сказать, но Бухов верит, что этот чемодан «счастливый».

Всю вахту Бухов и Мочалин укладывали мешки с аммонитом в забой, сверху прижимали мешками с галькой, валунами. Бухов вложил взрыватели, соединил их с бикфордовым шнуром, верхний конец которого был выведен на поверхность и закреплен на железной бочке из-под горючего, которая была привязана тросом к якорю и, подобно бую, стояла посреди речной стремнины.

Подводные работы были закончены к завершающему взрыву для образования траншеи на дне реки.

Качальщицы умаялись. На баркасе пахло потом. Вывернутое наизнанку резиновое снаряжение сохло, развешенное на веревке вместе с шерстяным водолазным бельем. Шлем из красной меди в черных вмятинах стоял на бухте свернутого воздушного шланга. Свинцовые галоши и чугунные грузá — так называемые «водолазные медали» — весом в наковальню лежали на палубе. Шел мелкий, как пыль, дождь. Река дымилась паром.

В ожидании большого взрыва под водой строители компрессорной станции собрались на берегу.

Гымза спросил Колю Левкина:

— Не безопасно?

Коля неопределенно мотнул головой.

— Ну вот, скоро по одному объекту финиш, — восторженно сказал Гымза, вздохнул, приосанился, объявил громко: — Такая у меня участь, граждане, — всюду быть начальством. Прошу! Подальше от берегового уреза. Заденет выбросом гальки. Бюллетенить будете на мою голову.

Лена Кукушкина стояла над самым обрывом, взволнованная и напряженная.

Обшарпанный, с помятыми бортами катер пересекал реку. Не доходя метров десяти до железной бочки-буя, с катера сбросили якорь.

Мочалин выключил мотор, снял с крыши кабины катера резиновую надувную лодку, опробовал, крепко ли закреплена она на пеньковом конце, и бережно опустил ее за борт. Стремглав несущаяся вода стала поддавать легкую надувную штуку. Бухов перебросил свое тело через ржавые поручни, стал на перепончатое дно лодки. Медленно опустился, сел, похлопал по нагрудному карману, проверяя, здесь ли зажигалка, кивнул. Мочалин, медленно стравливая конец, сощурившись, смотрел, как надувная лодка все ближе и ближе подплывала к железной бочке. Вот лодка легко ткнулась о бочку. Бухов наклонился, чуть распушил кончик бикфордова шнура, вынул зажигалку, высек пламя, поднес его к шнуру и, когда шнур затлел, зашипел, стал сигналить, делая движение руками крест-накрест.

Мочалин, упираясь коленами и животом в борт катера, медленно, ритмично выбирал пеньковый конец, на котором трепыхалась на волнах надувная лодка, а в ней полулежащий Бухов с сигаретой в зубах. Бухов ощущал спиной мощное движение реки, стремглав несущейся на стремнине по отшлифованному тысячелетиями каменному ложу.

Бережно и осторожно Мочалин подтягивал к катеру надувную лодку. Стоило ему начать быстрее выбирать конец, как лодка рыскала на волнах, кидалась из стороны в сторону с задранной передней частью, и Бухову не раз приходилось балансировать руками и ногами, чтобы не вывернуться.

Наконец лодка подтащена к борту. Бухов легко, пружинисто вскочил в катер, спросил с недоумением:

— Ты что это, Степа, волок меня, словно плотву на леске, боялся, сорвусь, что ли?

Мочалин пробормотал неохотно:

— Заряды великоваты, вот чего, не отойдешь куда следует, набьешь шишку! — Включил мотор, скомандовал: — Вирай якорь!

Но якорь поднять им не удалось: по-видимому, он зацепился лапой за выход скалы, — и выбить заклепанную наглухо, не по правилам, якорную цепь было нечем. Катер несколько раз описал круги, но отцепить якорь не удалось, так же как выбить цепь заводной ручкой мотора.

— Ну, все! — сказал Мочалин. — Слезай, приехали! — И, угрожающе приближаясь к Бухову, приказал: — Прыгай за борт!

— Это почему я? — спросил Бухов. — Почему не ты? — И предупредил: — Не подходи, а то вот дам заводной ручкой!

— Я тебя все равно выброшу за борт, — сказал Мочалин. — Двоим погибать ни к чему, а я сейчас здесь перед тобой, как коммунист, главный! — Он надвигался на Бухова, огромный, с толстыми, растопыренными руками.

— А ну вас всех подальше! — сказал с отчаянием Бухов, присел, снимая нога об ногу сапоги, потом швырнул пиджак, встал на корму, крикнул мстительно: — Ладно, Степка, я тебе это еще попомню! — и бросился в воду.

Мочалин вошел в рубку катера, включил на полную мощность мотор, перешел на корму и, кладя на борт румпальник, стал описывать, возможно, уже последний круг. И когда этот круг почти замкнулся, катер вдруг дернуло, и он как-то робко пошел уже не по окружности. И в это же время за борт уцепились мокрые руки Бухова, а потом он сам тяжело перевалился на дно катера.

Катер мчался прочь от железной бочки, ритмично покачивающейся на течении.

Мочалин, наклоняясь над сидящим на дне катера тяжело дышащим Буховым, как бы заслоняя его своим могучим телом, сказал:

— Значит, это ты, Вася, нырнул по якорной цепи на дно и якорь отцепил, так?

Бухов кивнул, хотел ответить. Глухой толчок подбросил катер, из реки поднялась мохнатая водяная колоннада и тотчас опала. Последней в реку упала высоко заброшенная взрывом ввысь пустая нефтяная бочка, служившая буем; она шумно плюхнулась в воду и поплыла по течению.

— Вот, браток, чуть мы с тобой не накрылись, — сказал Мочалин, доставая сачок, чтобы собрать оглушенную взрывом рыбу.

Бухов тоже запасся сачком, расправляя сетку, произнес задумчиво:

— Стрелок-радист у меня был, тоже из-за этого самого предпочел сгореть, а не выпрыгнуть.

— Из-за чего «этого самого»? — спросил Мочалин.

— Из-за гонору! — сердито сказал Бухов.

— Не то слово говоришь, — сказал Мочалин.

— Все слова — мои: какие нравятся, такими и пользуюсь! — огрызнулся Бухов.

Когда катер подошел к берегу, Бухов объявил Гымзе:

— Полный салют, порядок!

На что Гымза прокричал восторженно:

— Ну, ребята! Прямо я крыльями оброс. А то гляжу, чего вы там канителитесь, суетой какой-то занимаетесь, может, спички, думаю, отсырели, даже огорчился от такой непредусмотрительности.

— Ладно, — сказал Бухов, — привет!

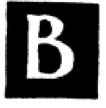
— Куда же ты? — всполошился Гымза. — У меня стол накрыт на три персоны, с расчетом, конечно, на вашу свежую рыбку.

— Я спать, — вяло сказал Бухов, — спать. — Лицо его было усталым и изможденным. — Спать, — сказал он и, не глядя ни на кого, пошел вверх по крутому откосу берега.

Бухову хотелось побыть одному. Он испытывал сейчас то огромное счастье, которое доводилось ему испытывать на фронте, после того как опасность близкой смерти миновала. И все было таким радостным, и все товарищи были такими хорошими, и небо казалось сквозным, прозрачным, легким, хотя на самом деле небо было в сизых облаках и снова шел дождь.

ПРЕЗРЕВ ОПАСНОСТЬ

В третьем номере журнала «Огонек» за 1961 год была опубликована информация «Таран летчика Нестерова» и фотография. Предполагалось, что на ней изображен погибший смертью храбрых русский летчик и сбитый им в бою австриец.

Опубликованная фотография вызвала многочисленные отклики читателей. Одни подтверждали ее подлинность, другие заявляли, что она не имеет отношения к гибели Нестерова.

«Я участник первой мировой войны,— пишет генерал-майор в отставке Иван Константинович Спатарель. — Мне кажется, что опубликованная в «Огоньке» фотография не имеет отношения к гибели капитана Нестерова: у погибших одинаковые летные шлемы. У австрийцев были другие».

Высказал свое мнение и сослуживец капитана Нестерова, очевидец его воздушного боя, бывший летчик Соколов: «Словно сокол на неуклюжую цаплю, спикировал русский летчик на самолет противника, и тот рухнул на землю. После удара машина Нестерова как бы остановилась на мгновение в воздухе, а потом начала падать носом вниз, медленно кружась.

Самолеты упали верстах в шести от города, с левой стороны шоссе, ведущего на Раву-Русскую. Нестеров лежал шагах в двадцати к западу от самолета.

Шагах в пятидесяти к северу лежал разбившийся австриец. А дальше, шагах в сорока, в болоте,— австрийский самолет с отломанным хвостом».

Прислали в редакцию и копию акта расследования об обстоятельствах геройской кончины штабс-капитана Нестерова.

Когда появился над городом австрийский самолет, Нестеров поспешно сел в свой «Моран». На слова поручика Ковanько: «Что же ты думаешь делать, возьми хоть браунинг» — Нестеров ответил: «Ничего, я как-нибудь обойдусь».

Нестеров нагнал неприятельский аппарат и спланировал на него.

Акт о гибели русского летчика заканчивается так: «Из всего вышеизложенного надлежит вывести заключение, что штабс-капитан Нестеров сознательно, презрев личную опасность, преднамеренно поднялся, настиг и ударил неприятельский автоплан собственной машиной, что от силы столкновения собственный аппарат штабс-капитана Нестерова настолько пострадал, что штабс-капитан Нестеров спуститься на нем не мог, был выброшен из аппарата при одном из резких движений последнего и погиб, разбившись о землю.

Подписал: председатель комиссии генерального штаба капитан Лазарев,

члены: военный летчик поручик Передков и военный летчик поручик Кованько».

Но тогда чья же трагическая гибель запечатлена на снимке, опубликованном в «Огоньке»? На это отвечает Петр Константинович Остахевич, бывший летчик четвертого корпуса авиационного отряда, а ныне врач из Львовской области. У него хранится такая же фотография.

«Два разбившихся летчика,— пишет он, — не Нестеров и австрийский ас, а старший унтер-офицер Хромин — военный летчик и поручик Бекли — летчик-наблюдатель четвертого корпусного авиационного отряда. Мои товарищи погибли при взлете на самолете «Моран-Парасоль».

На фотографии около пострадавших слева направо: вольноопределяющийся военный летчик Землевич, следующий, в кожаной тужурке, — военный летчик старший унтер-офицер Кокорин. Герой сбил несколько немецких самолетов. Убит в воздухе немецким асом. Рядом с ним наш казначей, фамилию не помню, следующий, с палочкой, — летчик-наблюдатель Лесеневич, рядом с ним — я, без головного убора. Тоже с обнаженной головой, держит фуражку у груди летчик-наблюдатель прапорщик Ершов. Следующий, в плаще, — летчик Григорьев».

А. ГОЛИКОВ

Виктор БОКОВ

Золото

Деловитою походкой
Ювелир на поле шел.
Ювелиры все с бородкой,
А у этого — пушок.

Золотых дел мастер
Был особый ювелир.
Почитал он то за счастье,
Что пшеницу выводил.

Ворот нараспашку,
На подоле — васильки.
Говорил он, глядя в чашку
Золотой своей руки:

— Вот оно, золото,
Пока еще не молото,
Пока еще не вожено,
На счеты не положено.

Мял и пробовал на зуб,
Посреди колосьев стоя.
Дунул ветер.
В русый чуб
Село зернышко литое.

Шел веселый агроном,
Сын полей, дитя лазури,
С позолоченным зерном
В золотистой шевелюре.

Шел, зерно пересыпал,
Веял чуткою ладонью.
— Я не зря недосыпал! —
Говорил ему с любовью.

— Ах, зерно, зерно, зерно! —
Шел, поигрывал словами.—
Скоро будешь свезено,
Захрустишь под жерновами.

Стать тебе мучкой,
Праздничным гостинцем,
Брать тебя ручкой,
Перстышком, мизинцем.

Ах, зерно, зерно, зерно! —
Пел, покачивая чубом.—
Звона золота полно,
Ну и тесто будет!

Удачливо, подходисто,
На припек походисто,
Как положишь дрожжей,
Не удержишь без вожжей,
Подымается, лезет,
Белым хлебом грезит.

Шел и пел.
Кричал:
— А-у-у-у!
С ним, совсем не ради смеха,
В голубом своем дому
Разговаривало эхо.

Вдалеке гремел громок,
Над леском темнела тучка.
Терем, терем, теремок,
Что в кармане?
— Авторучка!

Можно взять и написать
Той, которая прелестна,
О которой стал вздыхать
И которая невеста.

А она сама спешит,
На ходу руками рубит.
Эта встреча все решит,
Недомолвок в ней не будет.

Отворились двери губ,
Дрогнул голос:
— Здравствуй, Толя!
Я намеревалась в клуб
И решила — лучше в поле.

Там, где нивы, там, где ты,
Там, где зной звучит, как
скрипка,
Там, где травы и цветы,
И над всем твоя улыбка.

Он смеется:
— Что ж, добро!
Хочешь знать агрикультуру?..
Ветер вылепил бедро,
Подчеркнул ее фигуру.

Удивительный чекан!
Плечи — две крутые кручи.
Таня с Толею — чета,
Поискать — не встретишь лучше.

Как они сейчас близки!
Как она сейчас милее!
Как им шепчут колоски:
— В поле вы одни — смелее!

И глядят глаза в глаза,
Очи в очи, не мигая.
А над ними стрекоза,
К стрекозе летит другая.
Встретились шуршаньем крыл,
Резко взяли путь налево.
Разделен весь этот мир
На Адама и на Еву!

Хорошо на свете жить,
Увлекаться книгой, спортом..
— Вместе, вместе, вместе
быть,—
В унисон поют аорты.

Хорошо косить траву,
На заре с зарей встречаться.
— Где ты, Толенька, ау!
— Я сейчас, я на участок.

И идет к ней со снопом,
И сияет, и гордится:
— Вот работка! Вот пшеница!
Так и просится в райком!

Колос крупный, как в гербе.
Это труд — не божья милость.
— Ну, куда пойдем?
— К тебе.
— Вот давно бы так решилась.

Взял ее под локоток
На виду у всей вселенной.
И по пальцам хлынул ток
Постоянный, переменный.

И идут, идут, идут
Перезвоном зноя, зерен.
Разговор такой ведут,
Что куда тебе, Печорин!

Локоть в локоть,
Шаг в шаг,
Соучастье в соучастье.
Дорогие, так, так,
Так идите — будет счастье!

Вот оно, золото:
Жизнь наша! Молодость!
Черный хлеб,
Белый хлеб,
Двадцать лет,
Тридцать лет,
Пятьдесят,
Шестьдесят,
Девяносто и сто —
Хоть бы что!
Течет наше золото
В банки, в элеваторы,
Идет к нам турбинами,
Киловаттами,
Оно не ржавеет
Ни в сердцах и ни в мыслях,
Курс нашего золота —
К коммунизму!

ХЛЕБ КУБАНИ

Уборка в колхозе «Кубань», Краснодарского края, Усть-Лабинского района.

Фото Дм. Бальтерманца.

Михаил Коптев — выпускник Некрасовского училища механизаторов. Нынешним летом он впервые сел за штурвал комбайна.

На усть-лабинский элеватор поступает зерно из колхозов и совхозов трех районов. Раньше всех завершили план продажи хлеба государству устьлабинцы.

В степи развевается алый вымпел лучшего агрегата, управляемого Михаилом Ивановичем Кулишовым.

Хорошо поработала на уборке хлеба Зоя Михайловна Никитина.

Комбайнеры обедают.

Рассказы о Канаде

Олег ФЕОФАНОВ

Рисунки Л. Хайлова.

Сумерки

Норд-осты гнали с плоскогорья сухой, как песок, снег.

Серое небо висело над городом, цепляясь за кресты церквей, и спускалось на землю сумерками.

В гавани, как холодная медуза, колыхался кусок океана.

Я шел мимо промерзших каменных домов, контор, пакгаузов. Они толпились у моря, упрямо упираясь друг в друга.

Ньюфаундленд.

Сен-Джонс.

Край земли...

За изгибом улочки вспыхнули окна таверны. Порывы ветра раскачивали у входа лампы в широкополых жестяных абажурах. Пятна света кидались то к порту, то обратно к таверне. Они падали на топтавшихся у дверей матросов и проституток. Душно пахнуло пивом. В таверне было жарко. На мокрых столах — бутылки. Вокруг одинаковые люди в комбинезонах и куртках. И здесь же небольшие узлы. Их собственность.

Говорили нехотя. Только о море, о рыбе, о шхунах. О Джоне Макгроу, который в прошлую пятницу нанялся на шхуну «Святой Христофор» и вчера утонул вместе с ней. Лениво бросали на стол кости:

— Шесть...

— Четыре...

— Твой черед, Билл...

Без азарта. Играли не на деньги, просто так.

Бородатый рыбак подошел к окну и сел напротив меня. Он был старше всех. Опершись на бутылку, не мигая, смотрел он в порт, откуда доносилась перебранка пароходов, где скрипели мачтами и терлись боками рыбацкие шхуны и в мареве света суетились матросы.

Вдруг бородач увидел кого-то в окне и поднялся.

Это заметили все. Как будто они только притворялись, что пьют, а сами напряженно следили друг за другом. Разом поднялись из-за стола. Вышли и выстроились у таверны. Холодный ветер рвал их старые комбинезоны.

От порта шел рослый парень. Он откинул капюшон, и его черные волосы были пересыпаны снегом. Шел, попыхивая трубкой. Уверенный в себе и сильный. Снег таял на его круто скроенной куртке, обливая ее глянцем, и он двигался, как в латах.

Он остановился. Выколотил о сапог трубку. Зажег огонь. Потом раскурил, сунул руку в карман и наконец взглянул на ожидавших. Резко шагнул вперед и плечом толкнул в грудь одного из матросов. Прошел мимо, возвратился, пронзительно глядя в глаза, и снова резко толкнул. Матрос поежился. Слабый был матрос.

Теперь все упорно пытались перехватить взгляд парня...

Он знал дело.

Бородатый рыбак стоял, широко расставив ноги, пытаясь выпятить впалую грудь и поднять плечи. Но парень не толкнул его. Он посмотрел ему в глаза и медленно покачал головой.

Женщины участливо смотрели на матросов.

Боцман обошел всех. Потом вынул изо рта трубку и ткнул рукой:

— Ты... Ну, и...— все подались вперед — ...и ты.

И пошел.

Нанятые бросились в таверну за пожитками.

Боцман остановился, подумал и снова обернулся:

— О'кэй! И ты тоже...

Оставшиеся проталкивались в таверну.

Свет фонаря ударил им в спину.

На какое-то мгновение мне показалось, что я один из них.

— Шесть...— слышалось мне вдогонку.

— Четыре...

— Твой черед, Билл...

Чужая улица

Макдональдов выселили из дома.

Для них это был слишком хороший дом. И вот они сидят около своей мебели прямо на улице.

Красный пожар осени долго бушевал в ветвях кленов, и ветер раздувал это пламя по всему городу. Потом пожар погас. После вчерашнего дождя стволы кажутся обугленными, и Макдональды сидят на улице около своего имущества, как погорельцы.

Все знали, что у Макдональда приличный бизнес. Да и как же иначе? На этой улице жили преуспевающие люди.

Я как-то забрел в ветхий квартальчик за рынком. Здесь ютились французы-жестянщики, евреи-старьевщики, поляк с грязной продуктовой лавкой и китайцы со своими харчевнями, пропахшими чесноком и горьким соусом. Все они стояли прямо у дверей, хватали редких прохожих за рукав и тянули их в свои темные лавчонки.

Кто-то схватил и меня, и я услышал обычную фразу:

— Что хочет сэр купить сегодня?

Я повернулся и увидел знакомое лицо. Мистер Макдональд.

Он не ожидал встретить меня здесь. Люди с нашей улицы никогда не приходили сюда. И он смущенно бормотал что-то. Напротив серых домов стоял знакомый мне автомобиль мистера Макдональда. Среди других автомобилей — старых, загнанных кляч — он казался ярким тропическим зверем.

И я подумал, сколько же сил стоило Макдональдам содержать этого красавца, учить детей музыке, а главное, всегда казаться спокойными и уверенными, как положено всем, кто живет на нашей улице!

Шли дни. Недели. И бизнес мистера Макдональда скоропостижно скончался. В ветхом квартальчике это не было чрезвычайным происшествием. Покупатели толпились в лавке Макдональда под плакатом «Распродажа по случаю банкротства».

Соседи не знали всего этого. И они приветливо раскланивались с мистером Макдональдом. И мистер Макдональд спокойно и торжественно, как всегда, подносил руку к полям своей модной шляпы.

А сегодня к дому Макдональдов подкатил грузовик с вещами нового жильца. Рабочие в форменных фуражках молча вынесли на тротуар пожитки Макдональдов.

— Вы слышали,— рассказывала моей жене наша соседка, жена чиновника страховой компании,— у Макдональдов-то, оказывается, была всего-навсего паршивая лавчонка!

...На улице осень. Ветер срывает последние листья и гонит их вдоль тротуаров. Листья беспомощно цепляются за жесткий асфальт своими скрюченными, старческими ладонями. Дворники шумно шаркают швабрами...

Макдональды сидят на улице.

На улице, как в большой комнате, из которой выехали жильцы, светло, пусто, намусорено...

Его звали Джерри

Автомобили метались по кольцу стадиона с неправдоподобной быстротой. Они были старые, но ярко раскрашенные. Визгливые вопли тормозов заглушал восторженный рев подростков на трибунах. Автоле-

«В Кулдиге используется все — вплоть до звона пил».

Академик Пелагея Кочина

ЧУДЕСА ЗА ВЕНТОЙ

Д. МАРКИШ

— Вы что, впервые в Риге? — На меня смотрели понимающе.— Это же рядом! Вот за этим домом направо, потом вниз, налево и прямо... А потом будут ворота — входите в них.

Проплутав с полчаса, я вышел наконец к указанным воротам.

На стеклянной дощечке — «Лаборатория республиканского отделения Всесоюзного химического общества имени Д. И. Менделеева». Я отыскал звонок, вмонтированный в медную головку какого-то сказочного зверя, и нажал кнопку.

Меня провели в кабинет заведующего лабораторией Мартина Михайловича Кальнина. Стол хозяина был завален книгами, тетрадями; холодно поблескивали колбы и флаконы. В стороне, на маленьком столике, стоял аппарат, в котором что-то кипело и подпрыгивало.

— Взрывов не будет,— без улыбки сказал ученый, перехватив мой взгляд. — Пиротехникой я не занимаюсь. Итак, вы интересуетесь деревом?.. Я тоже. Правда, не целиком — с меня достаточно коры. Миллион кубометров древесной коры ежегодно сжигается леспромхозами за ненадобностью. Мне жалко. А вам?

А о термоизоляции судов вы что-нибудь слышали? — Мартин Михайлович вынул из ящика стола несколько коричневых и светло-бежевых плит.— Борта с внутренней стороны выкладывают пробковыми плитами — вот такими.— И он протянул мне светло-бежевую плиту.— Вы держите в руках кусок золота: пробка обходится нам в бешеные деньги. А это ее заменитель, по восемь рублей за тонну. Держите!

Вот она, алхимия 20-го века! Коричневая плита — склеенная изобретенным Кальниным синтетическим клеем крошка сосновой коры, единственного материала, не находившего до сих пор применения в лесной промышленности. И до Кальнина пытались использовать кору в качестве заменителя пробки. Попытки эти не увенчались успехом: дело упиралось, как в тупик, в несовершенство и дороговизну клея. Синтетический клей Кальнина, затвердевающий не из-за высыхания или прогревания, а вследствие полимеризации синтетической смолы, позволяет изготовлять теплоизоляционные блоки любых размеров.

Теперь Мартин Кальнин может смело воскликнуть знаменитое «Эврика!». Его пробка незначительно уступает натуральной в теплопроводности. Зато вбирает в себя воды (лишь одну пятую часть от собственного веса) во много раз меньше, чем натуральная. Кроме того, искусственная пробка не тлеет.

— Бутылочные пробки тоже влетают нам, как говорится, в копеечку,— говорит Кальнин.— Я предлагаю заменить их берестой, соответствующе обработанной. Прочно, красиво. И главное, дешево.

— Это, конечно, не чудеса. Это наука. Использовать «отходы производства» в химической лаборатории не диво: наша наука не знает отходов. Другое дело — громадное лесное хозяйство... А хотите посмотреть, что может сделать практическая сметка и экономность людей? Поезжайте в Кулдигу! Чудеса для вас начнутся за Вентой!..

Так я попал на ту сторону реки Венты, где лежит Кулдига — маленький опрятный латвийский городок.

Герберт Юльевич Фрейманис, директор леспромхоза, объяснил мне, что Кулдигский леспромхоз, включившись в возникшее в республике движение борьбы с потерями, вычеркнул из своего лексикона слово «отходы». Директор листал перед моими глазами толстенную книгу отзывов, на каждой странице которой были написаны слова восхищения.

— Походите, посмотрите сами...— посоветовал директор.— А потом я покажу вам действительно необычную вещь.

бедки растаскивали в разные стороны сцепившиеся, искореженные машины. И они снова озверелой стаей носились по стадиону.

«Си-ро-та!», «Си-ро-та!» — скандировали на трибунах. Еще круг — и «Сирота» идет первым.

Сэм вскочил и что-то кричал. Это он готовил машину «Сироте». Сэм работал заправщиком и механиком на бензоколонке компании «Эссо». В свободное время он налаживал гонщикам машины и, узнав, что я интересуюсь гонками, как-то позвал меня на стадион.

Когда я пришел, Сэм приваривал к раме автомобиля каркас кузова из водопроводных труб — на случай, если машина перевернется.

В гараж заглянул хозяин. Он увидел водопроводные трубы и сказал, что они слишком утяжеляют машину. Надо бы потоньше, а еще лучше — без них. И ушел.

Сэм погасил горелку, увидел меня.

— Вот видишь...

Я часто приходил в гараж и смотрел, как здесь готовят машины для гонок. Настоящие гоночные машины не годились для стадиона. Для стадиона с его почти прямыми углами поворотов машины должны быть достаточно короткими и в то же время устойчивыми. Самыми подходящими оказались старые машины. Их разыскивали на свалках и ставили на них мощный мотор. Передние колеса делали маленькими для легкости управления, причем правое колесо — больше левого (гонки проводились против движения часовой стрелки), задние колеса — большими, с широкими плоскими покрышками — для сцепления и устойчивости. Иметь кузов и все остальное было необязательно и зависело от фантазии гонщика.

Все это и тысячи других секретов: насколько нужно укорачивать шатуны и сколько карбюраторов лучше поставить на мотор,— я узнал, побывав в гараже и познакомившись с гонщиками.

Они были странные люди. Я заметил, что здесь не принято говорить о прошлом. Жили сегодняшним днем. И только. О завтрашнем не любили и боялись говорить. И надеялись. На что, никто толком не знал.

Кроме, может быть, «Сироты». Он мне сказал, что если победит в решающих осенних гонках, то бросит это опасное дело и откроет на заработанные деньги свою, пусть крохотную авторемонтную мастерскую.

К этим осенним гонкам все готовились тщательно.

В Оттаву должны были приехать гонщики из соседних городов. Их готовят различные магазины и компании. Гонки — это хорошая реклама, и они не скупятся. Победители гонок получат ангажемент на зимнее турне по городам Канады, а может быть, и Соединенных Штатов. Дело выгодное, одним словом.

Наступил решающий день. Темные трибуны стадиона были забиты до отказа. Перед началом заезда тяжелых машин мы с Сэмом зашли в гараж. Гонщики старались держаться свободно, но было заметно, что они нервничали: бродили по гаражу, курили, проверяли пряжки поясов, которыми они пристегнутся к голым железным сиденьям, связав себя с автомобилем в один мертвый узел. «Сирота» Джерри повесил себе на шею какой-то амулет.

— Ну, ребята, так кто же сегодня у нас будет на верху кучи? — стараясь говорить шутливо, спросил Сэм.

Все молчали.

— Я,— вдруг сказал кто-то.

Все посмотрели на длинного черноволосого парня.

— Я, и только я. И лучше не пробуйте!

Его звали Гастон. Он был от одного известного магазина.

«Сирота» усмехнулся.

Сэм нахмурился.

— Ты проверил масло? — спросил он «Сироту».

— Да, конечно.

— Очень важно, чтобы не перелить. Свечи закидать может.

Мы вышли к кольцу стадиона, напротив трибун. Оно было рядом — в двух метрах. На трибунах бушевали тысячи подростков. Отчаянно трещали машины. Тихий вечер, напуганный грохотом и скрежетом, отступил под тополя, хмурой толпой окружившие стадион, и свет прожекторов разлился по стадиону широким желтым пятном.

Тяжелых машин было шесть: «Сирота», две машины от местных таксомоторных компаний, «Зеленая линия» и «Желтая линия», и три гонщика из других городов, в том числе и Гастон.

Еле слышно хлопнул стартовый выстрел. Машины рванулись, помчались. Трибуны затихли. Автомобили ревели, как реактивные самолеты, и казалось, что они вот-вот вырвутся в ночное небо, низко нависшее над стадионом.

На пятом круге у идущей впереди машины с надписью «Пользуйтесь такси «Желтой линии» вдруг оторвалось правое заднее колесо и покатилось по стадиону. Машину резко бросило в сторону, и в то же мгновение в нее врезался автомобиль «Зеленой линии».

В самое последнее мгновение «Сирота» увернулся от вцепившихся друг в друга конкурентов. На седьмом круге «Сироту» догнал Гастон. Еще полкольца — и он впереди на длину своей машины. Разгоняясь по прямой, Гастон на поворотах уходит с внутренней стороны кольца. «Сирота» идет по внутренней. Круто поворачивая, Гастон подставляет ему свой бок.

— Толкни его, толкни! — ревут трибуны.

Это разрешается.

Кое-что я уже видел в Кулдигском леспромхозе. Я видел дом из опилобетона — материала, значительно уступающего в стоимости обычному бетону, но превосходящего его по некоторым свойствам. Опилки, из которых в значительной степени состоит опилобетон, придают стройматериалу теплоизоляционность. Стоимость опилобетона в два раза ниже стоимости того же объема древесины.

Видел я в Кулдиге и другие дома — их стены сложены из строительных блоков из сучьев и кустарника. Один кубометр таких блоков обходится всего в 9,01 рубля. По теплоизоляции этот материал не уступает опилобетону и древесине. В строительстве он удобней и того и другого. А состоит он из отходов. Мелкие сучья, снятые с поваленных деревьев, прессуются сенопрессовальной машиной чуть измененной конструкции, потом полученные брикеты стягиваются железной проволокой — и вот блок готов. Одна сенопрессовальная машина, обслуживаемая двумя рабочими, дает в смену до 40 сучьеблоков.

Но мне не давало покоя обещание директора леспромхоза показать такое, о чем я не смогу догадаться, сколько ни буду ломать себе голову, пока не увижу «этого» собственными глазами. Все это было мною записано, и, не в силах предвосхитить события, я терпеливо дожидался того дня, когда смогу наконец заглянуть «под занавес».

Этот домик рабочие называют «зеленым цехом». Здесь терпко пахнет хвоей. Сырье — сосновые и еловые ветки — привозят с участков лесоразработок. Лишенные хвойных игл, они идут на производство сучьеблоков, а высушенные горячим воздухом иглы, мелко перемолотые в аппарате особой конструкции, появляются на свет в виде душистого зеленого порошка. Почти во всех лесных хозяйствах страны ветви и тем более такая «мелочь», как иглы, именуются «отходами» и сжигаются под красивым предлогом: «Зачем нам засорять прекрасные лесные пейзажи?»

А хвойно-витаминная мука между тем приносит Кулдигскому леспромхозу немалый доход. Продукцию «зеленого цеха» хорошо знают на подмосковных перовских птицефабриках: хвойная мука, скормленная курам, резко повышает их рост и увеличивает яйценоскость. Эксперты говорят, что качество мяса и яиц при этом улучшается. Кулдига с радостью увеличила бы производство хвойно-витаминной муки, но поставки сырья ограничены планами лесоповала. В колоссальных же леспромхозах Сибири хвойные иголки тлеют в больших и малых кострах.

Рядом с «зеленым цехом» высится другой — цех ширпотреба. Начальник цеха Михаил Андерсон с гордостью показывает свое хозяйство.

— Ни много, ни мало, а наименований двадцать входит в наш ассортимент,— говорит он.— И, между прочим, большая часть сырья, на котором мы работаем, называлась раньше «отходами».

Какую же продукцию вывозят грузовики со двора цеха ширпотреба? Дверные и оконные блоки, доски для настила полов, ящики для переноски рыбы. На эти предметы, правда, идет качественная древесина. А вот табуретки, например, делают из обрезков, и плинтуса для полов, и наличники, и хозяйственные доски для рубки мяса и овощей.

Цех выпустит за год шесть с половиной тысяч бочек для засолки рыбы. Это — производство налаженное. А на основе этого производства основано другое — хозяйственные кадки для квашения огурцов и капусты. Хороший подарок приготовил Кулдигский леспромхоз хозяйкам: кадки оставались до сих пор дефицитным товаром.

Во дворе, под навесами, лежат аккуратно сложенные в штабеля кровельные дощечки. Конвейерная лента выносит их из здания цеха, и работницы сортируют здесь же, у ленты. Бракованные дощечки они складывают в ящики и отправляют обратно в цех: что не годится для крыш, то прекрасно подойдет для хозяйственной доски.

Чудеса, да и только! Мы настолько свыклись с неизбежностью отходов в производстве, что в Кулдиге просто диву даешься.

Неподалеку от здания цеха ширпотреба высится на земле громадная гора опилок. Вентиляторы затягивают их в трубы, установленные над каждым станком цеха, и по одной главной трубе мчат во двор, к большой горе. С каждым часом эта гора опилок все растет и растет. Вечером их свезут в котельное отделение и загрузят в топки. Сгорая, опилки дадут энергию агрегатам, установленным в цехе ширпотреба.

— Погасли костры в Кулдиге,— говорит, прощаясь, Михаил Андерсон. — Запишите в свою книжечку: все, что видели, делается из дыма вчерашних костров.

И, наконец, о том, что я увидел «под занавес».

Мы сидели в управлении леспромхоза с директором Гербертом Юльевичем Фрейманисом. Директор торжественно достал «это» из шкафа. Предугадывая мое изумление, он не спешил. «Это» было тщательно упаковано в фарфоровую, похожую на аптечную банку. Наконец, Герберт Юльевич снял крышку и высыпал передо мной на лист бумаги горсть белого порошка.

— Пробуйте!

Я неуверенно поднес порошок ко рту... Сахар! Обыкновенная сахарная пудра, может, чуть послаще!

— Из килограмма сухих опилок,— продолжал Фрейманис,— можно изготовить рижским методом гидролиза триста (!) граммов такого сахара. Это чистая глюкоза, а метод ее получения разработан в Институте лесохозяйственных проблем и химии древесины академика А. И. Калниньша. Ну, что вы теперь скажете об отходах лесной промышленности?

Я молчал.

Сахар из дерева — это было последнее чудо, которое я увидел в Кулдиге.

Кулдига, Латвийской ССР

Но «Сирота» не использует преимущество.

— Джентльмен,— говорит кто-то рядом зло.

И все-таки «Сирота» обгоняет Гастона. Трибуны ахают, свистят, ликуют.

Еще круг, Гастон вытесняет «Сироту» на внешнюю сторону. Поворот. Гастон ударяет его в бок. Левые колеса «Сироты» отрываются от земли, несколько секунд машина катится лишь на правых, и под тяжелый стон зрителей «а-а-ах!» снова падает на все четыре колеса.

Осталось три круга. «Сирота» снова на внешней стороне кольца. Гастон бьет с разгона, резко бросая машину вправо. Стараясь удержаться, «Сирота» тоже резко выворачивает руль вправо. Но удар слишком силен, и машина, вместо того чтобы упасть набок, встает на передний бампер и медленно падает на крышу. Кузов не выдерживает... Под отчаянный вопль сирен туда кидаются санитарная и пожарная машины. Сэм стоит, оцепенев, потом срывается с места и нескладно, както боком бежит к перевернутой машине...

* * *

Меня долго не было в Оттаве. Когда я подъехал снова к бензоколонке «Эссо», я не узнал Сэма. Он был сухой, сосредоточенный. От него скипидарно пахло джином. В стороне, накрытая брезентом, стояла изуродованная машина.

— «Сирота!» — невольно вырвалось у меня.

Сэм открыл пробку бензобака, взял шланг, вставил его в горловину, нажал клапан и тяжело оперся о крыло.

— Какой он «Сирота»...— сказал тихо Сэм. — Джерри был старшим у меня...

Весна ворвалась в город неожиданно, сквозь разодранные ветром облака. Весенние воды на реке Оттаве крошили лед и несли его обломки мимо города.

Шумно затараторили грязные и лохматые воробьи, пьяные от солнца, и, вторя им, такие же взъерошенные и измазанные, запрыгали и зашумели на улицах ребятишки. Девчонки чертили мелом на сухих островках тротуаров квадраты и прыгали. Мальчишки с воем и тарзаньим улюлюканьем носились по дворам. Они изображали хороших ковбоев и плохих индейцев.

Маленький Грэгори, мой девятилетний сосед, презирал своих сверстников. Жмурясь от весеннего солнца, он сидел на высоких ступеньках своего дома, разложив вокруг потрепанные яркие книжки-картинки о похождениях гангстеров и сыщиков и старые игрушки: поцарапанные полицейские машины и помятую жестяную атомную подлодку. Он кричал тонким голосом: «Покупайте по дешевке последние выпуски самых интересных комиксов! Распродажа почти новых игрушек! У меня имеются...»

Он торговал.

Вокруг галдели воробьи, и что-то бессмысленное и радостное кричали мальчишки, гоняясь друг за другом, и вместе с ними в их стайке прыгала откуда-то появившаяся большая желтая бабочка. Мальчишки не обращали на Грэгори внимания, но он время от времени снова кричал им что-то про свой товар.

Я подошел к нему.

— Вот эти, почти новые комиксы, по четыре цента. Эти — по три. А вот эти,— он показал на разрозненные и помятые листки,— по центу. Эта полицейская машина, послушайте, как она воет,— он чиркнул машиной по полу, и она завыла,— всего лишь 50 центов. Мне самому ее купили за 75. А вот эта лодка — доллар. Очень дешево.

Он говорил это совершенно серьезно. Это не была игра.

— Зачем тебе деньги?

Он не знал, зачем ему деньги, но ответил, не задумываясь:

— Как то есть зачем?..

Подошел мистер Коллинс из нашего дома. Он вынул из кошелька 10 центов и протянул их Грэгори.

Грэгори быстро встал, взял протянутую монету и жадно зажал ее в свой маленький кулак. Потом отобрал комиксы похуже и, сказав «спасибо», подал их довольному мистеру Коллинсу.

— Заходите снова! — крикнул Грэгори ему вдогонку, совсем как в настоящем магазине.

К Грэгори подлетел разгоряченный погоней Тедди.

— Дай посмотреть! — крикнул он приятелю, протягивая руку к книжке.

— Плати и смотри,— сказал Грэгори.

Тедди швырнул на место комикс и снова убежал играть в ковбоев.

Грэгори презрительно прищурил глаза и неодобрительно посмотрел на улицу, полную мальчишек и воробьев.

СОКОЛЫ

Космонавт-Три Андриян Григорьевич Николаев.
Фото А. Денисова.

На распутье

Половину низенькой хаты занимает русская печь. Вдоль стен — скамейки, в углу — стол. Справа от входа — деревянная кровать, покрытая стареньким одеялом. Над кроватью календарь: сентябрь 1944 года. Два оконца выходят на улицу с наезженными колеями и высоким журавлем колодца. Это чувашская деревня Шоршелы, в переводе Чистый ключ. А в хате живет семья колхозницы Анны Алексеевны Алексеевой-Николаевой.

Хозяйка топит печь. Пламя отбрасывает алые блики, и лицо женщины кажется суровым. Анна Алексеевна налила в котел воды, поправила на голове сбившийся платок, повернулась к сыну:

— Хочешь стать человеком, Андриян, — учись! Не бойся труда и о нас не тужи: проживем!

— Хорошо, мама.

Андрияну пятнадцать лет. Он окончил семилетку в Шоршелах и поступил в лесотехнический техникум, в районном центре — Мариинском посаде. И вот, проучившись всего один день, пришел домой. Решил бросить учение, не посоветовавшись ни со старшим братом, Иваном, который занимается на 3-м курсе в том же техникуме, ни с матерью.

Андриян сидит на своем обычном месте возле окна. В хате все так знакомо: и щели в полу и металлическое кольцо, ввернутое в потолок. К кольцу когда-то подвешивали люльку. В ней качали Ивана, потом его самого, потом сестренку Зину и самого младшего брата, Петю.

Андриян думает: ну, конечно же, он прав, что ушел из техникума. Война ведь идет, жизнь тяжелая. Ивану надо дать доучиться — уж немного ему осталось, — а самому на работу поступить. Карточка рабочая будет, и денег в семье прибавится. Отец недавно умер. Последние годы он тяжело болел. Большую семью одна мать тянула — совсем извелась, все лицо в морщинах. Но мать не жаловалась, об одном мечтала: чтоб дети образование получили. Сама-то она только при Советской власти грамоте выучилась.

Андриян выходит на улицу. Еще по-летнему тепло, но зелень берез уже пестрит кое-где желтыми косицами.

Возле правления колхоза Андриян встретил своего дядю Петра Афанасьевича Громова. Он уже отвоевал: под Москвой разрывная пуля раздробила бедро. Теперь Громов ходит с палочкой, заметно хромает, а дела ему приходится вершить немалые: председатель колхоза. Мужчин ведь в деревне не осталось, все на фронте.

— Что, студент, вернулся? — спрашивает он племянника.

— Да так, дело есть, — уклончиво отвечает Андриян. Он очень привязан к дяде. С детства ходил с ним на охоту, рыбу ловил, но сейчас хочется побыть одному, собраться как следует с мыслями. Андриян выходит на крутой косогор к школе. С этого косогора учитель физики Иван Михайлович Романов запускал с ребятами авиамодели. Андриян начал заниматься у него в шестом классе и на пер-

ЛЕТАЮТ ВЫСОКО

Алексей ГОЛИКОВ

Фото Ю. Кривоносова.

вых порах не понравился учителю. Мальчик не шалил, не шумел, сидел спокойно, слишком уж спокойно. И казалось, что все происходящее на уроке вовсе его не трогает и он то ли думает о чем-то своем, то ли дремлет с открытыми глазами.

— Николаев Андриян, — вызвал учитель. — Повтори-ка, что я рассказывал.

Мальчик без запинки слово в слово повторил все.

Учитель задумчиво потер подбородок: следовало, конечно, поставить «отлично», но, может быть, это случайно? И ставит четверку.

Андриян один только раз получил по физике четверку. А потом в табеле у него были лишь отличные оценки. Учитель вскоре убедился, что мальчишка с черными, словно тушью наведенными бровями обладает удивительной способностью: он может одновременно слушать урок и наблюдать за классом, а иногда и шалить.

Андриян был сильным пареньком. Однако учитель не помнил случая, чтобы он первым начал драку. Как-то Иван Михайлович из окна увидел, как Николаев заступился за девочку, которую обидел взрослый парень. Андриян ловкой подножкой сбросил парня в глубокую канаву и уж не дал выбраться оттуда, встречая сильными тумаками.

Всегда спокойный, даже медлительный с виду, Андриян обретал в действии какую-то взрывчатую силу и быстроту.

Однажды весной весь класс вместе с учителем отправился на реку Цивиль, протекающую возле деревни. Река едва очистилась ото льда и, желто-мутная, с пенистыми воронками, широко разлилась в весеннем паводке.

Андриян неосторожно стал на край обрывистого берега. Внезапно земля под его ногами обвалилась, и мальчик полетел в ледяную воду. Место было глубокое, а течение с силой увлекало парня к середине реки. Вынырнув, он оказался уже далеко от берега.

— Плыви сюда! — кричали ему товарищи.

Но Андриян не послушался. Один сумел сохранить присутствие духа, трезво оценить обстановку. Плыть к берегу почти против течения не хватило бы сил, и потому был выбран дальний, казалось, более опасный, путь: наискосок к желтой песчаной косе. Расчет оказался верным. Выйдя на берег, Андриян отжал одежку и побежал домой переодеваться.

...От школы по утоптанной тропинке он идет к своему любимому месту на реке, к Большому омуту. Берега тут густо заросли ивняком, а над холодной, словно отлитой из вороненой стали, водой толчется мошкара. Андриян садится на бережку, срывает травинку, закусывает ее. И все думает: «А ведь мать права была. Учиться надо. Ведь можно и по-другому семье помогать — подрабатывать в свободное время».

«А ты, студент, характер имеешь»

— Николаев, вставай, светает! — будит его сторож студенческого общежития.

Андриян просыпается сразу, сбрасывает одеяло и тихо, чтоб не разбудить товарищей, идет в душ.

Для Николаева наступила третья студенческая весна. Он возмужал, стал плечистым, гибким, мускулистым юношей. И усы уже заметны «без оптических приборов», шутит брат Иван. Худощав только очень. Что ж поделать, живется туговато. Досыта ест редко. Всю неделю, как и Иван, экономит паек, получаемый по карточке, а в субботу несет продукты матери.

Родным Николаева сейчас тяжко, как никогда. Мать заболела, и деньги нужны до зарезу. Ивану через неделю диплом защищать, а у Андрияна — зачетная сессия. Но все же он сумел выкроить несколько дней, чтоб хоть немного подработать. Вчера баржа пришла, и Андриян договорился с грузчиками: обещали на подмогу взять.

Правда, грузчики — все мужики дюжие, в линялых гимнастерках и сапогах, видать, бывшие фронтовики — встретили Андрияна не очень-то приветливо. А бригадир, которого по солдатской привычке называли Спиридонычем или старшиной, спросил:

— Постоянной-то работы почему не имеешь? Птаха перелетная, что ли?

— Студент я. Вон, видите, на горе техникум, в нем учусь.

— Ну, коли студент, — добреет старшина, — приходи завтра с рассветом. У нас дела на три дня. Только, — он критически разглядывает Андрияна, — с пупа не сдернешь? Тюки-то у нас по осьми пудов.

— И не такие носили! — солидно отвечает Николаев.

Положим, он тогда прихвастнул, но работа его действительно не страшит. «Другие могут, и я смогу», — думает он, быстро шагая по улице еще спящего города.

Два дюжих молодца кладут грузчикам на спину тюки, и те с шутками, словно играючи, несут их по скрипящим сходням на берег. Подошла очередь Андрияна, и он смело подставил спину.

— Клади без рывка, с бережением, — командует Спиридоныч и беззлобно шутит: — Смотри там, не придави науку.

Хотя кипу и кладут «с бережением», но Андрияну кажется, что спина у него сейчас треснет. Ан нет, выдержал! А вот шагнуть боится: страшно перенести на одну ногу такую тяжесть.

— Шагай, шагай, — подбадривает Спиридоныч. — Ноги, они сильные: выдержат.

И, к своему удивлению, Андриян действительно переставляет ноги, действительно идет, но ступает осторожно, словно босиком по битому стеклу. А когда сбрасывает ношу, кажется, что вот-вот поднимется в воздух: так легко становится. Вторую кипу он несет уже увереннее, даже отвечает на шутки грузчиков. Однако скоро пот заливает глаза, ноги деревенеют. Наконец Спиридоныч зычно командует: «Шабаш!», — и Андриян со всхлипом переводит дух.

После перерыва работа становится еще тяжелей. Студент с трудом поспевает за грузчиками. Его начинает покачивать, и когда он думает, что может упасть, слышится голос бригадира:

— А ну, студент, пойди пересчитай кипы на берегу. Я обычно сам это делаю, а уж сегодня ты займись, чтоб знания зря не пропадали.

Андриян с благодарностью берет у Спиридоныча тетрадь.

А на другой день он едва встает: болит все тело от пяток до затылка. Одеваясь, он невольно стонет.

— Плохо себя чувствуешь? — спрашивает проснувшийся однокурсник.

— Это неважно. «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», — отвечает Андриян стихами любимого поэта.

Но стихи стихами, а вот как он сегодня будет таскать восьмипудовые кипы? От одной этой мысли мурашки бегут по спине. «Должен выдержать!» — убеждает себя Андриян и спешит на баржу.

— Молодец, а ведь я думал — сбежишь! — встречает его бригадир. — Перетерпи еще немного, а там легче будет.

Однако «перетерпеть» оказалось трудно. Андриян вымеривает расстояние и считает: пять шагов, еще пять, еще, теперь уже недалеко... Так и работает до перерыва.

А после обеда, странное дело, ему словно полегче стало, правда, он по-прежнему считает шаги, но теперь уже знает, что выдержит.

Когда баржу разгрузили, бригадир отдал Андрияну заработанные деньги и дружески хлопнул по плечу:

— А ты, студент, из крепкого материала сработан. И характер имеешь.

...Незаметно подошла пора расставаться с техникумом. Молодой специалист Андриян Николаев получил назначение в Карелию. Здесь нет волжских просторов и светлых дубрав, зато леса великолепные.

Андрияну нравятся новые места, да и работа увлекает. Он решил поступить на заочное отделение лесотехнической академии. И, чтоб не откладывать решения в долгий ящик, начал заниматься в свободное время.

Однако жизнь распорядилась по-своему. Николаева призвали на военную службу, и военком, посмотрев его документы, спросил:

— Летать хочешь? Может, поедешь на курсы воздушных стрелков-радистов?

Хочет ли он летать? Пожалуй, лучше работать в лесу. Об авиации он просто и не думал. Правда, перед войной в Шоршелы приезжал летчик, брат Петра Афанасьевича, дяди Андрияна. Носил красивую форму с серебряными крылышками на рукаве и небрежно называл их «курицей». Андриян любил слушать его рассказы, вместе со всеми мальчишками ходил следом за ним по улице и мечтал стать авиатором. Но летчик уехал, и это увлечение скоро прошло...

— Что ж, буду летать, раз надо, — ответил Андриян.

Двадцать первый приземлился...

Авиационный гарнизон расположен на окраине старинного русского города. Здесь уже четвертый год служит летчик-истребитель Андриян Николаев.

Мать космонавта Анна Алексеевна.

1947 год. Андриян (слева) и старший брат Иван.

Андриян Николаев — курсант авиационного училища.

Андриян Николаев со старши

Дни, заполненные полетами, словно и сами летят. Их стремительное движение Андриян замечает по явлениям природы, которая близка летчику, как и крестьянину. Грозы, дожди, туманы всегда затрудняют полеты. И сейчас все чаще приходится подниматься в воздух в ненастье. Клены в роще, над которой Андриян при посадке делает четвертый разворот, стоят красные, словно пылающие факелы,— пришла осень.

...Жухлая трава аэродрома поседела от инея, хотя утро ясное, солнечное. Андриян выруливает на старт и ждет команды.

— Двадцать первый, разрешаю взлет! — слышит он в наушниках голос подполковника Николая Ивановича Федотова — руководителя полетов.

Андриян поднимается в воздух и идет в зону для высшего пилотажа. Разогнав машину, выполняет «петлю Нестерова». Потом делает крутую «горку». Вдруг он почувствовал: что-то произошло. Что именно, он еще не может определить, но всем существом ощущает: надвинулась опасность. Меняется ровный мощный гул двигателя, а через мгновение стрелка прибора, показывающая обороты турбины, быстро движется назад. Истребитель теряет скорость, «сыплется» на хвост и переходит в штопор.

Действуя пока чисто интуитивно, Андриян отдает ручку управления от себя, машина делает полвитка и выходит в горизонтальный полет. Теперь-то уж летчику ясно, что произошло. Он пытается запустить двигатель, но ничего не выходит. Сообщает о случившемся на командный пункт и сразу слышит голос подполковника Федотова:

— Двадцать первый, спокойно иди на свой аэродром! Высота достаточная. Слушай команды, все будет нормально.

Федотов, бывший фронтовик, отличный летчик-истребитель, хорошо понимает состояние Андрияна. В скупо отсчитанные секунды он должен спасти и себя и машину, а ведь что с самолетом, неизвестно. В эти секунды для летчика так важна помощь «земли»...

Судьбой Андрияна озабочены и его товарищи: летчики, находящиеся в воздухе, слышат тревожный разговор. Они прекращают упражнение и на максимальной скорости идут к аэродрому. Этого, конечно, нельзя делать, но ведь их товарищ попал в беду. Помочь они ему не могут, а все-таки...

Истребитель для парящего полета не приспособлен, и Андриян пилотирует очень четко, стараясь экономно расходовать высоту. Он уже ясно видит посадочную полосу и по команде с земли выпускает шасси. Теперь остается сделать разворот — и посадка обеспечена.

Летчик пытается развернуть самолет, но рули поворота словно заклинило. Андриян нажимает изо всех сил. От напряжения у него плывут перед глазами красные пятна, а ручка управления все не трогается с места. Положение становится крайне опасным. Садиться вне аэродрома, да к тому же с выпущенными шасси, на этих самолетах нельзя. А что же делать?! Воспользоваться парашютом? Мала высота.

Андриян слышит вопросы Федотова: что произошло? Но на ответ уже нет времени. Да и выбора ему не дано — нужно садиться прямо здесь.

Из-за приборной доски выползает кудрявая струйка дыма. Неужели пожар? Этого еще недоставало! Под самым крылом мелькают огненные клены знакомой рощи. За ними какие-то сараи, крутой косогор. А затем — вот счастье! — узкая, но ровная полоса луга. Эх,— черт побери! — поперек нее желтый овраг.

...Самолет ударился о землю перед самым оврагом, перепрыгнул через него и быстро покатился по ровному полю. «Отлично, — думает Андриян,— а как же пожар? Только б не взорваться до остановки». Наконец машина останавливается, летчик сбрасывает фонарь, выскакивает из кабины и бежит от самолета.

Остановился, снял шлем, вытер влажное лицо. И услышал прямо над собой гул самолетов. Ба! Да над местом посадки весь полк. Андриян машет товарищам рукой. «А как теперь сообщить на командный пункт?» Но подполковник Федотов и так все знает. Летчики с воздуха наблюдали за Николаевым. Старший лейтенант Зайцев, товарищ Андрияна по летной школе, передавал по радио:

— Двадцать первый приземляется... перескакивает овраг... бежит по лугу. Остановился. Летчик выскакивает из самолета. Стоит... не падает.

И тогда Федотов, облегченно вздохнув, тоже отирает ладонью вспотевшее лицо. Потом сурово командует:

— Продолжайте полеты по заданию.

Космонавт-Три с младшим братом Петром.

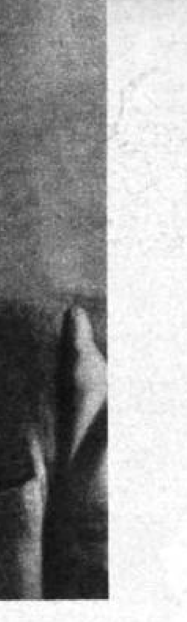

Школьный учитель Николаева Иван Михайлович Романов.

Фото из семейного альбома.

1956 год. В гостях у Андрияна мать и сестра Зинаида.

«Андриян не мог сдвинуть с места ручку управления...» — рассказывает о вынужденной посадке Николаева его командир звена В. Ковалев.

ратом Иваном в Москве.

Земля — Восток

Однажды после полетов Андриян Николаев получил приказание явиться в штаб. Здесь его встретили незнакомый полковник со значком летчика и два военных врача.

— Вам нравится служба в истребительной авиации? — спросил полковник.

— Нравится.

— А летать на больших скоростях и высотах хотели бы?

— Конечно! На опытных самолетах?

— Не совсем так.

Полковник вынул портсигар, предложил папиросу Андрияну и закурил сам.

— Речь идет о полетах на кораблях-спутниках. Скорость—пятнадцать—двадцать тысяч километров в час, ну и высота что-нибудь порядка трехсот километров.

Андриян глотнул дыму, закашлялся.

Летчики, конечно, поговаривали о полете человека в космическое пространство, но никто из них всерьез не думал, что все это может произойти так скоро.

— Кандидатов для такого полета, — продолжал полковник, — мы отбираем из летчиков-истребителей; конечно, из тех, кто этого пожелает. Отбор будет очень строгий.

— Возьмите меня, — поспешно говорит Николаев.

Вечером Андриян долго не ложился. Ходил по комнате, вспоминал сегодняшний разговор. Полет к другим мирам...

Среди мачтовых сосен, в бору, стоят дома и учебные корпуса. Здесь же теннисные корты, баскетбольная площадка, гимнастический городок. Это учебная база будущих космонавтов.

Ранним утром Андриян идет по песчаной дорожке, на которую деревья отбрасывают косые, длинные утренние тени. До начала занятий время еще есть, и он не торопится. Хочется побыть наедине с самим собой: наконец-то стало известно — он будет Космонавтом Три.

Позади остались долгие дни учения, кропотливой тренировки. Предстоит последнее занятие.

...Николаев, одетый в скафандр, легко поднимается по металлической лестнице в кабину специального аппарата, представляющую собой макет кабины космического корабля. В соседней комнате — руководитель тренировки. Сложное оборудование позволяет видеть каждое движение космонавта в кабине и по желанию ставить его в различные условия, которые могут возникнуть в настоящем полете.

— Земля... Я Восток. Все системы работают нормально. Самочувствие отличное, к старту готов, — докладывает он.

— Я Земля, — отвечает руководитель тренировки. — Вас понял, приготовиться к старту. Внимание! Старт!

Аппарат дает возможность почти полностью имитировать условия космического полета. Мощный гул ракетных двигателей заполняет помещение. Корабль «отрывается» от стартовой площадки. И вот шум двигателей стихает. В кабине тишина. Ясно слышны ставшие привычными звуки: сухое щелканье реле, ровное гудение трансформаторов и счетно-решающей машины, которая дает программу «космического полета».

Руководитель требует от Николаева определить местонахождение.

— Пролетаю над Атлантическим океаном, — докладывает космонавт.

Новая команда: произвести ручную ориентацию корабля. Андриян уже выполнял это десятки раз и теперь действует так же уверенно, как, бывало, в кабине своего истребителя. Послушный его воле «корабль» медленно разворачивается иллюминатором в сторону Земли. Сначала Николаев видит, как в иллюминаторе показывается краешек родной «планеты». Он растет, увеличивается и закрывает весь иллюминатор. Маневр выполнен, но тренировка продолжается. Руководитель создает для космонавта различные аварийные ситуации. Преодолевая их, Николаев действует очень быстро и четко.

...Вот уже последний виток вокруг «Земли». Начинается подготовка к «спуску». Как и в настоящем полете, космонавт закрепляет на свои места все съемные инструменты. Снова раздается мощный рокот — включились тормозные двигатели. Корабль «спустился» с орбиты и вошел в плотные слои атмосферы. Андриян вспоминает, как рассказывал ему об этом Герман Титов: пламя бушевало вокруг корабля, а стекла иллюминаторов, раскаляясь, меняли свой цвет. Все это ему, Андрияну Николаеву, еще предстоит увидеть. А сейчас последний тренировочный полет окончен: Космонавт-Три к настоящему полету в космос готов!

На снимке: кадр из фильма «Моцарт и Сальери».

ДРУГ ЛЮДЕЙ МОЦАРТ

А. ДОНАТОВ

На телевизионном экране опера — редкая гостья. Оперные спектакли при показе теряют большую часть своих достоинств, а специальные произведения этого жанра для телевидения пока не пишутся. Однако по крайней мере одно кажется специально написанным, и довольно давно. Это «Моцарт и Сальери» Пушкина и Римского-Корсакова.

Выбор этой оперы для создания телевизионного фильма, сделанный Рижской киностудией, оказался абсолютно точным. Опера обнаружила себя в постановке для телевидения именно как телевизионная, сосредоточив все внимание зрителей на мыслях, чувствах, страстях героев. Телевизионный экран с помощью режиссера-постановщика В. Горриккера и оператора В. Масса сделался также и нашим «исследовательским стеклом». Вместе с создателями фильма мы действительно изучаем характер героев, следим за психологией действия...

Причиной злодейского поступка Сальери — убийства Моцарта — слишком часто считалась лишь зависть. Ф. Шаляпин трактовал Сальери как пораженного отравленной стрелою зависти. В. Яхонтов, включая трагедию в свой спектакль, прежде всего думал о теме зависти. В великолепной гравюре В. Фаворского Сальери стар, иссушен, изможден; рука его, словно клешня, вцепилась в спинку стула. Такой же старый, злой, жуткий Сальери — в эскизе грима, сделанном А. Бенуа для К. С. Станиславского.

В телефильме Сальери, которого играет артист П. Глебов,— это стройный, интересный человек среднего возраста, что соответствует исторической и психологической правде. Слушающий «безделицу» Моцарта, Сальери-Глебов судорожно впился в подлокотник кресла,— руки его страшно вжались в дерево, так что в них врезались перстни. Однако перед нами не только завистник, а человек, вновь и вновь утверждающийся в своей «правоте» — в своем образе мыслей. Создатели фильма пошли по пути, изложенному в замысле К. С. Станиславского, который и задумывал Сальери как «жреца своего искусства и идейного убийцу того, кто как бы потрясает основы этого искусства».

В долгих поисках необходимых исполнителей партитуры оперы режиссер В. Горриккер встретился с записью, сделанной пятнадцать лет назад С. Самосудом, А. Пироговым, С. Лемешевым. Оказалось, что психологическое раскрытие трагедии волновало и трех замечательных наших музыкантов. Их фонограмма дала возможность трактовать Сальери в телефильме как убежденного врага Моцарта. Ведь после смерти Моцарта Сальери сказал: «Жаль, конечно, такого великого гения, но для нас хорошо, что он умер. Поживи он еще дольше, и поистине никто в мире не дал бы нам куска хлеба за наши сочинения».

Мрачный, замкнутый Сальери убил щедрого, жизнерадостного, талантливого, добросердечного Моцарта. Это — необычайное злодеяние. И оно запомнилось людям. Но ведь чаще убивают медленно, исподволь. Это в характере маленьких, жалких, но тоже страшных сальери! Испытал это и Пушкин.

Сальери печется будто бы о благополучии бескрылых тружеников-муравьев. Их много, не отличишь одного от другого. Но Моцарт как бы освещает их, демонстрируя миру работу существ, о которой должны забыть. Значит, не должно быть Моцарта!.. Таков вывод Сальери.

О смысле жизни, о творчестве и ремесле, о дружбе и о яде в «чаше дружбы» написано у Пушкина. Бессмертен тот, кто с народом, говорит поэт, тот, кто посвящает народу свое вдохновенное творчество.

Все эти столь глубокие проблемы трагедии надо было сочетать в фильме с правдивостью и психологической тонкостью в обрисовке характеров, да еще в рамках оперного жанра! Хотя надо оговориться: Римский-Корсаков написал гениальную музыку. Не случайно Ф. Шаляпин говорил, «что оперы такого строя являются обновлением... это новый род сценического искусства, соединяющий музыку с психологической драмой».

Создателям телефильма удалось такое соединение. П. Глебов-Сальери и Ин. Смоктуновский-Моцарт настолько органически восприняли музыкальное исполнение партий, что уже через несколько секунд после начала картины обнаруживается великолепное слияние четырех исполнителей.

Обычно внимание акцентировалось на Сальери: в его характере — движущие силы пьесы. В новом телефильме и режиссеру и артисту, чутко следовавшим за композитором, посчастливилось сделать Моцарта фигурой центральной. Они не испугались деталей обычного в поведении Моцарта. Точный отбор этих деталей и точное их воплощение сделали его живым, простым, таким, как все... Вот Моцарт весело смеется, услышав игру слепого скрипача; ему радостно и приятно: его музыка звучит на улице, его знают, его любят! Вот Моцарт достает из-за обшлага набросок на нотной бумаге, а через мгновение, забыв об этом, вновь его ищет: Моцарт рассеян. Вот он наигрывает для Сальери,— Моцарту важна его оценка: коли плохо им придуманное, он и не станет за это держаться!.. В походке, в жестах, в обращении с людьми Моцарт Смоктуновского прост и обычен. Однако в нем все время ощущается некий «запас» — неистощимость, неисчерпанность. И вот наступает кульминация — Моцарт играет. Только что простой, доступный, обаятельный, он преображается. Он входит в музыку, как в море,— весь, целиком, с наслаждением и радостью. Перед нами вдохновенный, творящий художник. Он весь во власти звуков и в то же время словно слушает свою музыку со стороны, проверяя себя. Все это — в глазах артиста. Переменчивость их выражения не наиграна, не придумана, она рождается из музыки и вновь к музыке ведет.

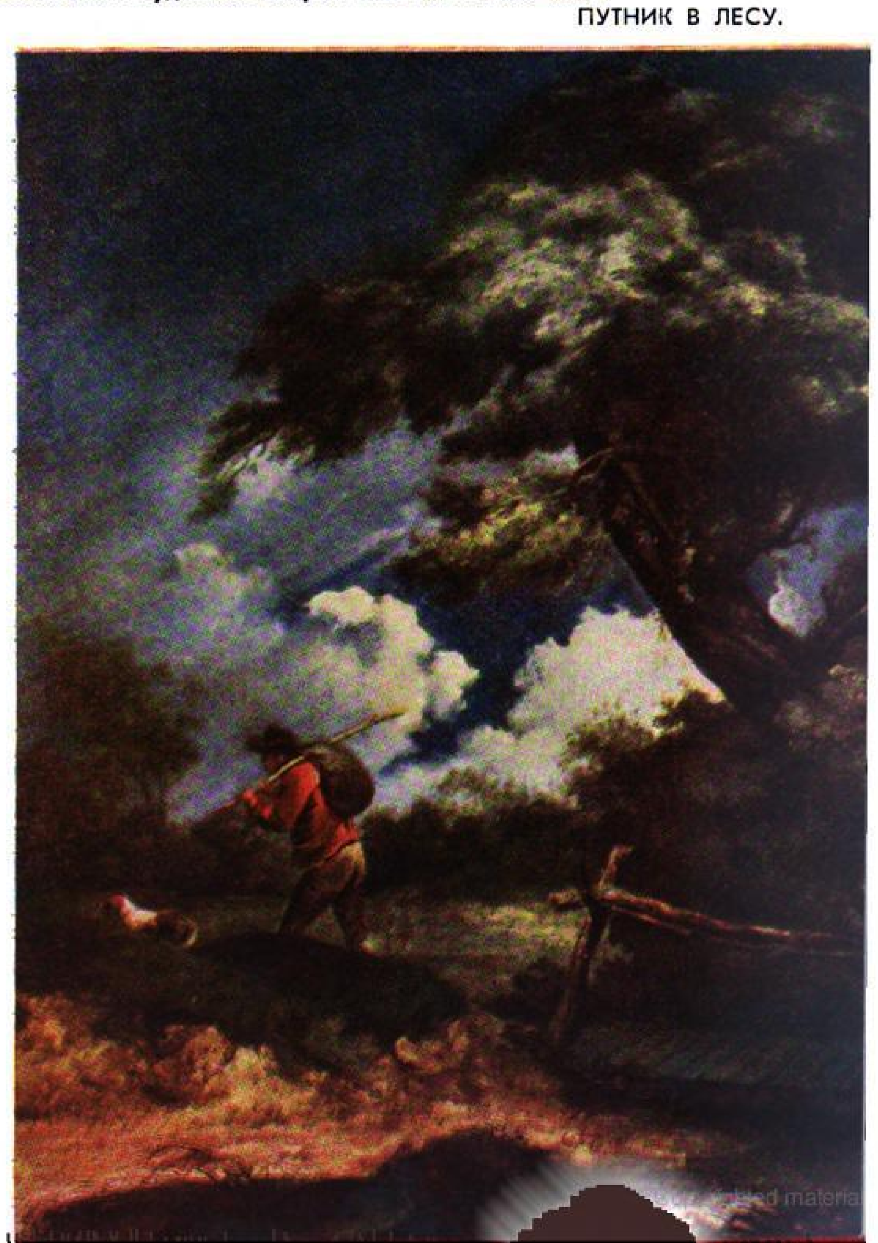
Режиссер покидает Сальери в страшный момент осознания им того, что «гений и злодейство — две вещи несовместные». Мы понимаем, что Сальери — теперь живой мертвец, что вряд ли предстоит ему отныне когда-нибудь спокойно заснуть. И дальше режиссер дает нам возможность проститься с Моцартом, уходящим по ночной, ветреной, плохо освещенной венской улице... Фильм о Моцарте говорит людям о том, каков должен быть человек. Непреходящие нравственные и духовные ценности объединяют людей разных эпох и континентов. Моцарт — друг людям, поэтому его талант утверждает бессмертие человеческого вдохновения.

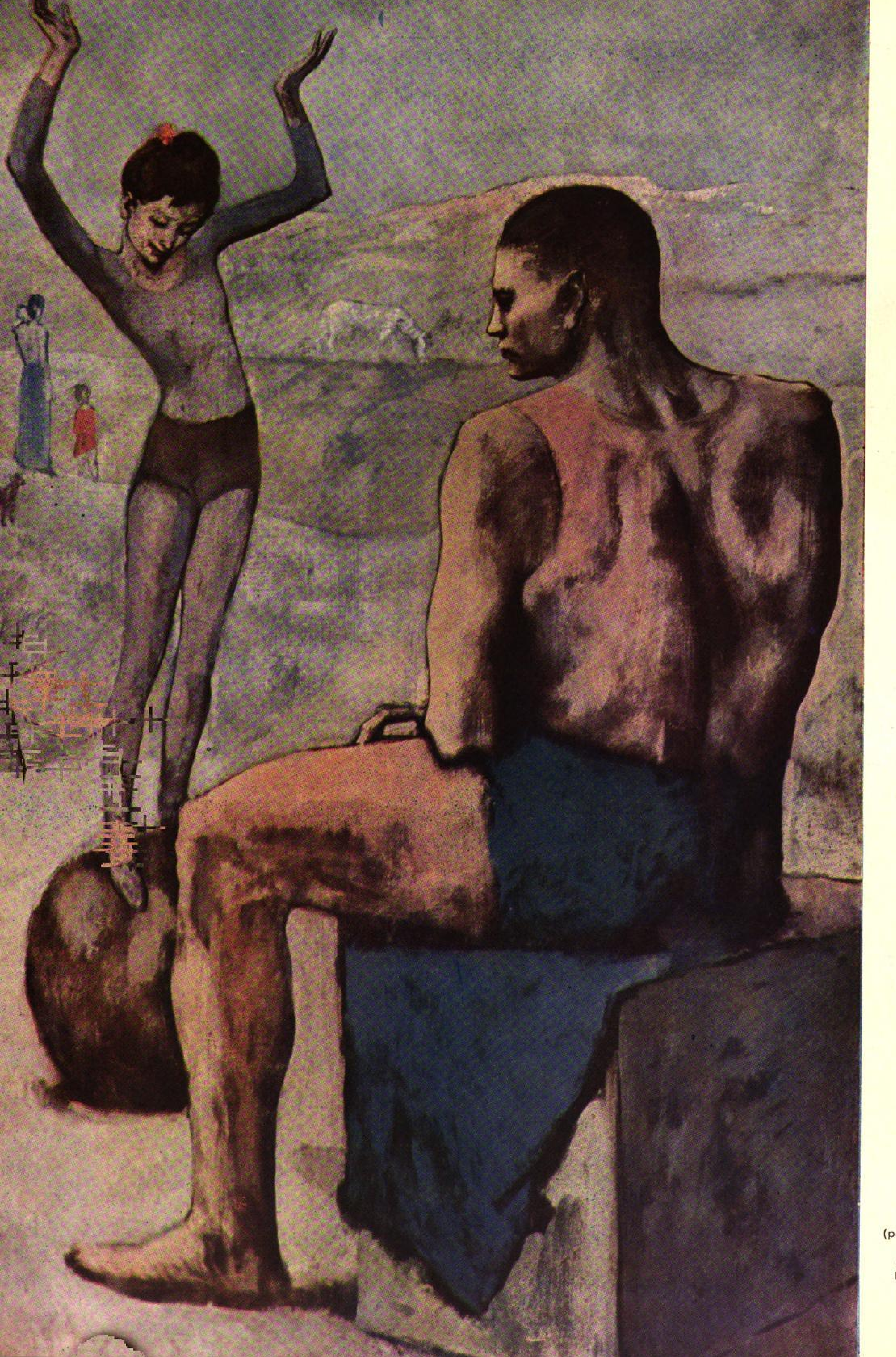
Жан Батист Симеон Шарден (1692—1779). НАТЮРМОРТ.

Бартоломео Эстебан Мурильо (1617—1682). ПРОДАВЩИЦА ФРУКТОВ.

Английский художник второй половины XVIII века.
ПУТНИК В ЛЕСУ.

Пабло
Пикассо
(род. 1881 г.)

ДЕВОЧКА
НА ШАРЕ.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ШАГАЕТ К СОЛНЦУ

Академик А. А. БЛАГОНРАВОВ

На наших глазах сбывается великое предвидение Константина Эдуардовича Циолковского, высказанное им полвека тому назад: «Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Слово «робко» сегодня уже устарело в этом высказывании Константина Эдуардовича. На штурм космоса дружно, широким шагом двинулись советские ученые и инженеры, рабочие и техники. Достаточно напомнить, что только в 1961 году в Советском Союзе было запущено 113 высотных ракет с телеметрическими приборами для изучения режима стратосферы над территорией СССР и Тихого океана.

Развитие ракетной техники позволило ученым получить средства, которые обеспечили непосредственный выход в «околосолнечное пространство» не только измерительной аппаратуры, но и самого человека. Подтверждение этому — невиданный в истории групповой полет советских космонавтов Андрияна Николаева и Павла Поповича.

Конечно, быстрый прогресс наших знаний об окружающем земной шар пространстве отнюдь не означает, что пути, по которым идет развитие науки о космосе,— легкие пути. Этот прогресс достигается за счет гигантского труда, за счет преодоления больших трудностей.

Поэтому современное развитие науки может быть обеспечено лишь путем широкого коллективного творчества, то есть оно требует организации сотрудничества не только в рамках определенного коллектива, но и сотрудничества все более и более крупных и разнородных коллективов, выходя в силу необходимости за пределы одной страны.

Поскольку освоение космоса требует значительных расходов, самых больших успехов в этой области достигли ученые наиболее экономически развитых стран — Советского Союза и США. За последние годы в исследование космоса вступают все новые и новые страны. Например, недавно организовано Европейское сообщество. В нем участвуют Англия, Франция, ФРГ и другие государства. Общество поставило целью построить совместно ракету для запуска искусственных спутников Земли. Спутники будет строить Италия, систему управления разработает Бельгия, наблюдение за системой связи обеспечит Голландия, полигон предоставит Австралия. Первое испытание ракеты назначено на 1966 год. Стоимость ее предполагается в семьдесят миллионов фунтов стерлингов. Значительную часть этих расходов берет на себя Англия. С помощью такой ракеты можно доставить на Луну научно-исследовательскую станцию небольших размеров.

В своем послании президенту США Дж. Кеннеди по вопросу об изучении и использовании космического пространства глава Советского правительства Никита Сергеевич Хрущев подчеркивал, что освоение космоса в интересах всего человечества пойдет гораздо успешнее, если в нем будет активно участвовать все большее число стран, внося в это весьма сложное дело свой вклад. Никита Сергеевич отметил, что «значительно более широкие перспективы сотрудничества, объединения наших научно-технических достижений вплоть до совместного создания космических кораблей для проникновения на другие планеты — Луну, Венеру, Марс, возникнут тогда, когда будет достигнуто соглашение о разоружении». Всеобщее и полное разоружение откроет неограниченные просторы международному объединению ученых в целях быстрого освоения космического пространства на благо человечества. И все же мы не отрицаем, что и сегодня, несмотря на указанные препятствия, возможна и необходима частичная организация совместной работы многих стран, хотя бы в интересах экономии материальных средств, расходуемых на исследование космоса.

Каковы же перспективы международного практического сотрудничества для освоения космического пространства в ближайшие годы?

Прежде всего следует иметь в виду, что исследования космического пространства будут в первую очередь распространяться на изучение физических условий, существующих на планетах солнечной системы. Эти условия в известной мере могут быть изучены путем запуска автоматически действующих станций в окрестности или на поверхности планет. Но наиболее полное изучение этих условий будет достигнуто тогда, когда человек сам непосредственно сможет их проверить.

Трудно переоценить в этой связи новый групповой полет советских космонавтов. Полетом доказана возможность длительного пребывания и творческой деятельности человека в космосе. Это факт исторического значения: наша великая Родина, строящая коммунистическое общество, снова продемонстрировала перед всем человечеством гигантские преимущества своего общественного строя. Наши славные космонавты приблизили тот час, когда на другую планету ступит нога сына Земли.

Исходя из общечеловеческих задач освоения космоса, необходимо в ближайшие годы широко поставить обмен результатами научных исследований межпланетного пространства, чтобы тем самым значительно ускорить развитие науки о космосе. Широкая взаимная информация в международном масштабе обо всем новом, что дают исследования космоса,— это необходимая ступень в организации международного сотрудничества ученых. Большую помощь в этом уже оказывает Международный комитет по изучению космического пространства (КОСПАР).

Каковы же ближайшие перспективы международного сотрудничества ученых в освоении космоса? Это исследования в области метеорологии и усовершенствования мировой связи с помощью искусственных спутников Земли. Именно эти направления не случайно были выбраны уже сегодня для обсуждения двустороннего сотрудничества между Советским Союзом и США.

Использование метеорологических спутников преследует две важные цели: оперативную службу прогнозов погоды и специально исследовательскую работу для выявления законов движения атмосферы, чтобы в конечном счете построить научно обоснованную теорию климата, разработать методы надежных длительных прогнозов. Следовательно, развитие метеорологии в этом направлении должно привести к изысканию методов управления погодой.

Большой интерес, несомненно, представляет организация надежной глобальной системы связи посредством искусственных спутников Земли. Советский Союз дал согласие сотрудничать с США на ближайшем этапе в опытах по связи с помощью американского спутника «Эхо-А-12», принимая на своей станции американские передачи, причем в этих опытах будет участвовать и английская станция «Джодрелл-бэнк».

Ученые Советского Союза придают большое значение организации Международного года спокойного Солнца и будут выполнять исследования по физике Солнца, по космическим лучам. Программа этих исследований согласована в Международном комитете года спокойного Солнца. В тот же самый период СССР и США предполагают организовать магнитную съемку, составление геомагнитных карт, исследование вариаций магнитного поля нашей планеты. Это международное сотрудничество предполагается в форме запуска двух спутников — американского и советского — на заранее согласованные орбиты, расположенные на разных высотах, чтобы возможно шире и одновременно охватить измерениями магнитное поле Земли.

Сама собой напрашивается также необходимость укрепить общение между представителями космической медицины и космической биологии различных стран, чтобы таким образом обеспечить в ближайшем будущем еще более смелые полеты человека в космос.

Наконец, пришло время решить многие юридические вопросы, и в первую очередь такие, как беспрепятственное возвращение космических объектов, приземлившихся на чужой территории, и согласование в международном масштабе мер по спасению и возвращению на родину аварийно спустившихся космонавтов.

Но главной и самой серьезной задачей по-прежнему остается проблема всеобщего и полного разоружения. Благополучное и быстрое разрешение этой основной проблемы, волнующей все человечество, немедленно откроет невиданные возможности международного научного сотрудничества в мирном освоении космического пространства.

— Павел, ты меня слышишь?
— Я тебя вижу.

Рисунок В. Каневского.

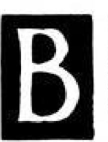

Марс: — Караул! Не по правилам — двое на одного!

Рисунок В. Воеводина.

А. СТАРКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Вот уже второй день хожу из дома в дом вулицей Першотравневой — Первомайской,—бывшей Бессарабской, на которой родился и вырос Космонавт-Четыре [1].

Тут он для всех Павлик, Павлуша, Павлó.

В самом начале улицы, в доме № 2, райком партии. Я заглянул сюда в удачный для себя час. Секретарь райкома Яков Данилович Мышелов, сам учитель биологии, собрал учителей Павлика Поповича. Пришли Ольга Гавриловна Романенко — украинский язык и литература, Сергей Федорович Гайков, историк, Николай Моисеевич Бондаренко, бывший директор школы... Нет Варвары Михайловны Воскобойник, учительницы начальных классов. Она в отпуске, в Сочи, со дня на день должна вернуться. Но я уже не смогу ее дождаться. Жаль. Говорят, это замечательная учительница. 28 лет пестует узинских малят с первого по четвертый класс, передавая их затем на руки учителям-предметникам.

Но Павлика и его сверстников не передала, то есть передала с большим опозданием. Они кончили четвертый класс за месяц до начала войны, а в пятый пошли через три года, осенью 1944-го, после изгнания оккупантов с Киевщины.

— Хлопцы были уже переростки. Кому четырнадцать-пятнадцать, а кому все шестнадцать. Взрослые! И не так по возрасту, как по жизненному своему опыту, по количеству горя, которого они повидали и хлебнули вдосталь. Это были ребята, отличные от нынешних. Нет, я нынешних не хаю. Слава богу, что сытые, холеные. Но ведь и с ленцой и не очень-то порой ценят то, что имеют. А у тех было так: из света в тьму, в рабство, а из тьмы снова к свету... Скажу тривиальными, но в данном случае очень точными словами: они жаждали знаний. Дорожили каждым уроком, чтобы наверстать потерянное. Школьного здания не было. Занимались в полуразрушенном жилом помещении. Столы, табуретки ребята натаскали из дому. Сначала ни учебников, ни тетрадей. Писали на бумажной мешковине с сахарного завода. Чернила? Какие там чернила! Нашли немецкие аэродромные ракеты, в них светящаяся смесь, разводили ее, вот вам и красные чернила... Каждая вещь приобретала особое значение. Вот пионерский галстук. Не обыкновенный пионерский галстук, а захованный при немцах так, чтобы его не нашли полицаи, потом вытащенный из подполья, отстиранный матерью, поблекший немножко, но все равно червонный, убереженный от врага. Такой галстук был и у Павлика...

Это говорит Сергей Федорович Гайков. В шестом классе он преподавал историю древнего мира. А жизнь самого Гайкова — современная история. История комсомольца с 1918 года (у него сохранился билет того времени), комиссара учительской семинарии, председателя волостной ячейки РКП(б), красноармейца, командира продотряда, чоновца. И, наверно, это было нарушением учебной программы, но в историю пунических войн вторгался вдруг эпизод из боев с Деникиным под Тулой, а в изложение земельной реформы братьев Гракхов — рассказ о борьбе с кулачеством на Украине. На уроке — восстание Спартака, а после уроков — Трипольская трагедия. Хлопцы переживали, конечно, гибель Спартака, как он, раненный, продолжал сражаться, стоя на одном колене. Но село Триполье ря-

[1] Сейчас этой улице присвоено имя космонавта Поповича.

Космонавт-Четыре подполковник Павел Попович. Фото И. АКУЛЕНКО.

НА УЛИЦЕ КОСМОНАВ

дышком, в 50 километрах от Узина, и там сохранились колодцы, в которых топили героев-комсомольцев... Ребята знали про беду своего учителя в эту войну: окружение под Киевом, плен, побег из Дарницкого лагеря, снова плен. Знали, что у него нет сейчас партбилета, но считали коммунистом, верили, что такому человеку должны вернуть партийный билет...

— Дуже гарный був хлопець...

Это про Павлушу Поповича — Ольга Гавриловна Романенко, учительница украинской мовы и литературы.

— Дуже гарный! Спокийный такий, розсудливый, прынцыповый. А який почерк! Ривный, крупный шрифт. Кожния буковка як надрукована. А колы почерк ясный, то и людына така... Чистота у тетрадке дивоча!

Из школы секретарю райкома принесли классный журнал за 1945/46 учебный год. «6-а» класс. Под номером 18 — Попович Павлó. Ольга Гавриловна сразу нашла его и повела по графе отметок.

— Ой! Двийка...

— Чья же это беспощадная рука вывела будущему космонавту двойку? — спрашивает Мышелов.— Чья? — показывает он на подпись внизу странички.

— Моя,— в некоторой растерянности говорит Ольга Гавриловна.— Моя, Яков Данилович.. Яко ж було завданне? А, «Суфиксы глаголив». Це ж важка тема!

Она быстро пролистывает страницы и восклицает:

— Подывытися, Яков Данилович, подывытися сюды, будь ласка! О тут богато п'ятирок. Бачите? Вот пысьмова справа «Льотчик Молодчий», п'ять. Пысьмовый переказ «Як партизаны спалыли 18 немецьких литакив», п'ять! Другий переклад, «Бойовый шлях героя», теж п'ять. Ни, вин гарный, добрий був ученик у мени. А та двийка — случайная видмитка. Це може злучитися з кожним...

В кабинете секретаря райкома набилось народу. Идут и идут люди, знавшие Павло. Вот сразу пятеро. Яков Данилович знакомит меня с ними: приятели, дружки Павла из одного класса. Александр Ищенко, хирург районной больницы; Григорий Мищенко, юрист, приехал в отпуск из Харькова; Владимир Кривша, слушатель военной академии, тоже в отпуске; третий отпускник — Виктор Ткаченко, инженер, и Степан Шевченко, инструктор райкома партии. Увидели на столе старый классный журнал, начали листать. Первый — Мищенко, увидел единицу против своей фамилии, всплеснул руками.

— Вот беда на мою голову. Полное разоблачение. Де це,— показал на журнал,— раскопали?

Они все были очень дружные в классе. Но самые неразлучные — тройка: Павлик Попович, Грицько Мищенко, Володя Кривша. Один учебник на троих, одна сумка с тетрадями, которую они таскали по очереди. На троих одна мечта: в артисты. Они были премьерами в школьном драмкружке, на главных ролях. А премьерша — Оля Березовская, нынешняя учительница английского языка... Ставили както пьесу из партизанской жизни. Всего три роли, и все главные: партизан, партизанка и гестаповец, которого первые двое ловят и вешают. Партизан — Володя, гестаповец — Грицько. Павлик на этот раз без роли. Но вдруг заболела Оля — партизанка. Кто заменит? Вызвался Павло, заговорил на репетиции девичьим голосом, вполне заменит. Только как быть с косой, где раздобыть косу для партизанки-красавицы? И тут на великую жертву во имя искусства пошла тетя Фрося, мать Грицька. Она отрезала свою великолепную толстую косу и отдала Павлуше. Теперь он был девушкой-партизанкой с переливчатым звонким голосом, с чудесной русой косой. Все шло хорошо по ходу спектакля. Гестаповец выслежен, схвачен, приближается казнь. Зал замер. Руки фашисту — за спину, связали, в рот — кляп, на шею—веревку. «Партизан» и «партизанка» здорово действуют. А бедный Грицько-«гестаповец» уже задыхается и даже крикнуть не может — во рту тряпка, только хрипит. Зрители довольны: замечательно играет Грицько! А притащили за сцену, чуть живой, глаза навыкате. После этого спектакля Гриша Мищенко передумал что-то идти в артисты, стал юристом. Впрочем, Павлик и Володя тоже не стали актерами.

Павел Попович, студент 1-го курса индустриального техникума. Из семейного альбома.

Почти вся семья в сборе: нет только двух сыновей — Петра и Павла.

Учителя Павла: Ольга Гавриловна Романенко, Сергей Федорович Гайков, Николай Моисеевич Бондаренко.

Бабушкины яблоки.

...Иду из дома в дом улицей Первомайской. В каждом узнаю что-нибудь новое о космонавте. Здесь все его знают. В доме шофера Семяновского хозяин рассказывает, как они вместе поступали в ремесленное, Павло и он, Анатолий. Перешли в седьмой класс, но только с месяц проучились, обстоятельства заставили бросить школу. Год-то был тяжкий, послевоенный: семье Семяновских жилось трудно, а Поповичам еще трудней. На семерых один работник — отец. Павло — старший из трех братьев: Петр моложе его на семь лет, а Микола только народился. И еще две сестры. Старшая, Мария, с полгода как вернулась из Германии. Угнана была с эшелоном «гражданских пленных», «цивильгефангенэ», как говорили фашисты. Попала в город Нейхауз, в Тюрингии, в лагерь при военном заводе. Дважды убегала, дважды была поймана, бита и брошена в бункер. Лагерный номер у нее был 641. И синяя бирка с тремя буквами «ost». Она привезла эту бирку домой. Она только на три года старше Павла, но там, в Тюрингии, постарела на десять. Работает, но больше болеет. Тяжко больна и маленькая сестричка Надя: полиомиелит, парализованы ноги. Врачи говорят, требуется усиленное питание. А кормилец на семерых один. Надо помогать отцу. И Павло оставил школу, седьмой класс. Вместе с Толей Семяновским поехал в Белую Церковь, в ремесленное училище. А там уже закончился набор. Можно лишь в группу второго года обучения. С условием, чтобы сдать к январю за первый. «Не вытянем»,— сказал Толя. «Вытянем, что ты!» — сказал Павло.

— Учились на столяров-краснодеревщиков. Вытянули. А Павлик еще и за седьмой класс сдал. Ну, на это меня уже не хватило. Жилка слабже оказалась. Меня из ремесленного на завод в Белой Церкви. А Павла, как отличника, в Магнитогорск, в индустриальный техникум трудовых резервов. Все точно как у Гагарина, помните? Только тот техник-литейщик. А Павлó — строитель. И тоже, как Гагарин, пока учился в техникуме, аэроклуб посещал. По одной дорожке шли. После техникума — в военное авиационное училище. На истребителя. Как Гагарин, как Титов.

По улице Першотравневой — из дома в дом. Вот я уже в конце ее, в доме № 22-а — у Поповичей. Собственно, это два дома: старенькая, но в добром еще состоянии хата-мазанка и небольшой ладный кирпичный домок. Вокруг сад: яблони, груши, вишни, смородина.

В хате живет дочь Мария с мужем, с двумя девочками — Таней и Олей. Третья внучка, Наташа, дочь Павла, тоже недавно была здесь, гостила с матерью у стариков. Жаль, уехала, не дождавшись фруктов, нынче они поздние... Зять Поповичей, муж Марии, Владимир Конд-

ГА ПОПОВИЧА

— Что же ты, Алеша Попович, не сказал, что у тебя праправнук космонавт?
Рисунок В. Воеводина.

ПОДРУГА КОСМОНАВТА

Легко коснувшись колесами земли, маленький «ЯК» останавливается, вздрагивая своим тонким зеленым телом.

По летному полю, покрытому цветами, от машины идет невысокая стройная женщина в васильковом комбинезоне. Это Марина Попович. Ее имя широко известно в спортивном мире.

За успехи, достигнутые в овладении летным мастерством, Марина Попович награждена орденом «Знак Почета».

На снимке: жена летчика-космонавта Павла Поповича Марина Попович после очередного полета.

Фото Г. Макарова.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Из записной книжки журналиста

А. РОМАНОВ

Эти первые встречи относятся к тем дням, когда Герман Титов готовился к полету в космос.

В дороге на пути к космодрому я атаковал вопросами знакомого инженера Петра Ермолаевича.

— А что, если за несколько часов или даже минут до старта у Космонавта-Два сдадут нервы?

— Этого не может быть. В Германе Титове, его душевных силах, физической подготовленности, выдержке и воле все абсолютно уверены.

— Но ведь мало ли что может случиться. Известно, что в свое время у Юрия Гагарина дублером был Космонавт-Два.

— Одним словом,— спросил Петр Ермолаевич, вскинув на меня серые утомленные глаза,— вы хотите знать, кто будет Космонавтом-Три?

— Вы не ошиблись.

— Красавец, здоровяк. Человек необычайного хладнокровия.

— Можно на эту тему еще несколько вопросов?

— Не сейчас. Не отвлекайтесь от главного героя дня,— сказал Петр Ермолаевич.

Я понял, что мой интерес к Космонавту-Три преждевремен.

В конце дня мы приехали в коттедж, где отдыхал Герман Степанович Титов. В дверях нам уступил дорогу молодой летчик. Мельком взглянул на него: выше среднего роста, лицо широкое, тронутое сильным загаром. Видно, что он здесь не новичок. Густые, широкие дугообразные черные брови чуть сходились на переносице. Яркое солнце било ему в лицо, и он, пропуская нас, слегка прикрыл глаза рукой.

Петр Ермолаевич доверительно шепнул мне:

— Обратите внимание на этого летчика.

— Космонавт-Три?

Инженер молча кивнул головой, и мы вошли в комнату к Герману Степановичу.

Наша беседа с будущим героем космоса продолжалась около получаса. В конце ее появился Космонавт-Три. Он извинился перед нами и обратился к Титову:

— Приехали товарищи по срочному делу. Очень просят тебя, Герман.

Говорил он негромко, чуть протяжно, слегка окая. Голос удивительно мягкий, полный сердечных интонаций.

Герман Титов быстро встал из-за стола и пошел за своим другом. Сразу бросился в глаза контраст: Герман Титов быстрый, энергичный. Этот несколько медлительный, спокойный и более монументальный.

Теперь мы знаем, кто таков Космонавт-Три — это Андриян Николаев.

...Передо мной — несколько фотографий: с одной из них смотрят смеющиеся глаза молодого летчика. Чуть набок надетая фуражка, скрывающая высокий лоб, прямой нос придают всему облику вид человека энергичного. Мне показалось лицо его очень знакомым. Где я его видел?

...Это было 6 августа минувшего года за несколько минут перед тем, как Герман Титов вошел в кабину корабля, чтобы совершить свое 25-часовое путешествие вокруг Земли. Космонавт-Два вышел из автобуса, доставившего его к подножию многоступенчатой ракеты, и направился к группе товарищей, пришедших проводить «небесного брата». Был он в скафандре и потому, неуклюже расставив руки, обнял летчика, стоявшего впереди других.

— Кого он обнял? — спросил я у Петра Ермолаевича.

— Космонавта. Фамилия вряд ли что-либо вам скажет.

— Я, кажется, забегаю вперед?

— Пожалуй, да. Это один из руководителей парторганизации космонавтов...

Через некоторое время машина примчала меня на наблюдательный пункт. Здесь я застал всех будущих покорителей космоса, с нетерпением ожидавших старта «Востока-2». В кругу молодых летчиков заметил уже знакомого мне космонавта. Говорил он негромко. И по тому, как внимательно его слушали, было очевидно, что товарищи относятся к нему с большим уважением.

И вот сейчас, внимательно рассматривая фотографию, вспомнил: да это же и был он, секретарь парторганизации космонавтов, Павел Попович.

ратьевич Ткаченко — инструктор парашютного дела, мастер спорта, мировой рекордсмен. Рекорды — коллективные, на точность группового приземления. Прыгали девять человек: днем — с высоты тысяча метров, ночью — с 2 тысяч. Днем среднее отклонение от заданной точки—8 метров 16 сантиметров, ночью—24.97. А у Володи — соответственно 3 метра и 4. Молодец, зятек! С золотыми медалями. Вон он, коренастенький, у колодца, приехал, брызжется, фыркает, обтирается мохнатым рушником.

В кирпичном домике — старики с дочкой Наденькой, которая так и не поднялась с постели, и с поскребышем своим Миколой, окончившим 9-й класс. Братья его — в армии, офицеры. Павлó давненько не был в Узине. Лейтенант Петро, хотя и служит поближе,— тоже редкий гость. Но сегодня старики ждут его к вечеру.

Романа Порфирьевича я зря называю стариком. Крепкий, как говорят украинцы, вгодованый, с пышными, холеными запорожскими усами, с розовым, как у молодицы, лицом. Левая щека заметно темней правой. Это от огня. Сорок лет стоит Порфирьич у котельных топок левой стороной к пламени, с ломиком в руках. Впрочем, сейчас уже без ломика и не у топки — у газовых горелок, но тоже в кочегарке. Кочегар он знаменитый, первостатейный, дипломированный. Я видел его диплом, выданный 40 лет назад:

«Москва. Всероссийский Совет Народного Хозяйства.

Тройка по обучению кочегаров.

Свидетельство № 53146.

Настоящее выдано тройкой по обучению кочегаров гр. Поповичу Роману Порфирьевичу в том, что, согласно постановлению Совета Труда и Обороны от 13.IX.20, обучался инструктором и экзаменационной комиссией допущен к исполнению обязанностей кочегара...»

Не только огнем топок опалено лицо у Порфирьича. Было и другое пламя — летом 1941 года. Враг вошел в Узин. Вокруг городка на полях полегло много воинов наших. Порфирьич и еще несколько смельчаков выходили ночью в поля и тайком от немцев хоронили убитых. Документы их прятали у себя дома, после войны все они были переданы властям, и родные павших получили похоронные... В августе над Узином был сбит наш штурмовик. Падая, он врезался в здание больницы, разворотил стену и повис. Немцы оцепили дом, оттесняя сбежавшихся жителей. Но Порфирьич и его товарищи прорвались все-таки к самолету, который мог вот-вот взорваться. Тело летчика вытащили быстро, а стрелка-радиста вытащить не удавалось. Для этого надо было подобраться к самолету изнутри разрушенного здания. Полезли Порфирьич и еще четверо. Тело стрелка было зажато, стали тянуть. И в эту минуту взорвался бак. Порфирьича выбросило через окно, обожгло лицо, руки. Двое из пятерки были убиты. Их похоронили в лесу вместе с летчиком сгоревшего самолета. Летчик был родом из Воронежской области. После войны приезжали его отец и брат. Зашли к Порфирьичу, благодарили...

И еще раз его опалило. Это когда горела хата Насти Софийчук, солдатской вдовы. Он первый залез на крышу и, подхватывая ведра, которые подавали снизу, гасил пламя.

Это отец.

Мать, Феодосья Касьяновна, чуть старше мужа. Годы отложились на ее лице явственней. Заботы, горе оставили свою печать из морщин. Горя было немало: Марусю угоняли в чужеземелье, меньшая так и не может встать на ноженьки. Да и сама Касьяновна болеет, что-то не ладится с глазами. Но живая она, общительная.

Старики догадывались, можно даже сказать, знали, что старший сын — Космонавт.

Феодосья Касьяновна:

— Павло написав Миколе. Каже, колы буде идти фильм, бери тата з мамою и подывытися. Пишлы до клубу, дывымось. Пока якись центрифуги, воны вси у скафандрах, так я никого не пизнаю. А потем воны все пишлы у форми. И я дывлюсь: прямо на меня иде Павлуша. Я на весь зал: «Павлик»,— а чоловик мий под бик мене тыче и каже: «Цыть!»

Роман Порфирьевич:

— Оно звистно, жинка!

Феодосья Касьяновна:

— Мисяць спаты не могла. Под ногтями штрикае. Зворошусь, зворошусь, похожу по кимнате, лягаю. До дида гукаю. Спыть!

Потом пришла «Красная звезда». Старики выписывают эту газету: старшие-то сынки — военные. Первой прочитывает газеты Надя, а потом самое интересное — вслух отцу с матерью. Тут она крикнула:

— Тату, мамо! Слухайте!..

На первой странице статья под названием «Бейся, сердце!» — про космонавтов. Корреспондент побывал у них на тренировках и описывает свои впечатления.

«Первым, кого мы тут встретили,— читала Надя,— был космонавт — секретарь парторганизации Романыч, как попросту называют его друзья. Широкой кости, светловолосый...»

— Слышишь, мать, Романыч...— сказал Роман Порфирьевич, оглаживая свои запорожские усы.— Так це ж наш Павло, ясно дило...

А Надя продолжала читать:

— «Романыч занимает место. Закрывает глаза. Опытные руки врачей тотчас же облачают его в датчики. Всеслышащие уши приборов теперь приставлены к сердцу, к виску, к предплечью... Стихли голоса. Выключен свет... И вдруг рождается негромкий стрекот, потом

ВСЕ ХОТИМ ПОБЫВАТЬ НА ЛУНЕ!

НАШИ ДЕТИ — КОСМОНАВТАМ

Санобар Ходжаева, тренер узбекских авиамоделистов Ренат Атакулов и Гайрат Каланов.

Фото Дм. Бальтерманца.

Летит наш папа на орбите,
От нас он очень далеко.
Я знаю: он веселый,
улыбается,
Но ему не так уж просто
и легко.

Наташа ПОПОВИЧ,
6 лет.

ГОРДИМСЯ, ЗАВИДУЕМ, МЕЧТАЕМ!

Гордимся нашими космонавтами, завидуем им: вот это скорость, вот это высота!

Нам до такого далеко: наши модели держатся в воздухе всего несколько минут и делают 240 километров в час.

Но мы не отчаиваемся. Николаеву тридцать три года, нам — по восемнадцать. Значит, в запасе еще целых пятнадцать лет! А в космосе работы непочатый край!

Чемпионы СССР по авиамоделям с ракетными двигателями — ученик 50-й школы города Ташкента Гайрат КАЛАНОВ, инструктор станции юных техников Санобар ХОДЖАЕВА.

Рисунок Сережи Макарова. 9 лет. Пинск.

НА ЛУНЕ.

Рисунок Ф. Алекперова. 14 лет. Баку.

Рисунок А. Каденко. 6 класс. Рожище.

АДРЕС: А. Г. НИКОЛАЕВУ и П. Р. ПОПОВИЧУ

«СЕМЬСОТ ПИОНЕРОВ ЛАГЕРЯ «ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ» ГОРДЯТСЯ ВАШИМ БЕСПРИМЕРНЫМ ПОДВИГОМ. ВСЕ ХОТИМ БЫТЬ ТАКИМИ, КАК ВЫ. БУДУЩИЕ КОСМОНАВТЫ».

«РАДУЕТ, ЧТО НАШУ ДОРОГУЮ РОДИНУ ПРОСЛАВЛЯЮТ ПРОСТЫЕ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ, В ПРОШЛОМ ШКОЛЬНИКИ И ПИОНЕРЫ. ЛЕНА ЛЕСНЫХ. 13 ЛЕТ».

«МЫ ВСЕ ХОТИМ ПОБЫВАТЬ НА ЛУНЕ. ВАШ ПОЛЕТ ПРИБЛИЖАЕТ НАШУ МЕЧТУ».

«ПРИНИМАЕМ ВАС В ПОЧЕТНЫЕ ПИОНЕРЫ ЛАГЕРЯ «ЗВЕЗДОЧКА». ПОСВЯЩАЕМ ВСЕ ЛАГЕРНЫЕ РЕКОРДЫ ЭТОМУ ВЕЛИЧАЙШЕМУ В МИРЕ СОБЫТИЮ. ПРИГЛАШАЕМ ВАС В ГОСТИ. ПИОНЕРЫ ЛАГЕРЯ «ЧАЙКА».

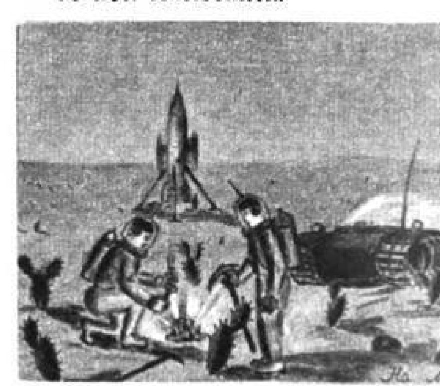
В КОСМОС!

Рисунок Владимира Майструка. 12 лет. Баку.

НА МАРСЕ.

Рисунок Славы Иконина. 13 лет. Актюбинск.

слабый звон, который переходит в тугой натужный гул...»

Мать прижала к подбородку кулак с платком и чуть склонила набок голову, будто и в самом деле слышит эти звуки.

— «Электромотор начал вращать центрифугу... Она все ускоряет свой лет... Свистит рассекаемый балкой воздух. Скорость все нарастает... Кресло почти исчезает из виду. Человека на нем уже различить невозможно. Врезываясь в воздух, он словно растворяется в его звенящем потоке...»

Мать сидит, не шевелясь, только платок в ее кулаке подползает все ближе к глазам.

— «Центрифуге сообщается дополнительное ускорение... Трудно человеку. Сердце, кровь, мозг отяжелели... На грудь будто навалилась чугунная глыба. Дышать тяжело... Металл сатанеет. А человек держится. А сердце бьется!»

— Ох! — вырывается у матери, и платок уже совсем закрыл глаза.

— «Время отсчитывает последние секунды,— торжественно читает Надя.— Облегченно зарокотал мотор. Уже различается замедлившая бег балка... Вспыхивает свет. Подходим к Космонавту. Он пока лежит недвижно. Ему нужен покой. Он устало улыбается, по-свойски подмигивает: мол, все хорошо».

— Слышишь, мать,— говорит Порфирьич.— Усе гарно!

Они были как-то в гостях у сына. Приехали в неурочный час. Звонили-звонили, стучали, никто не открывал. Присели на вещички тут же, на лестнице, дожидаются. Вдруг открылась дверь в квартиру напротив. Вышел человек в белой рубашке, спрашивает:

— Вы не Пашины ли будете родичи?

— Мы батьки его,— сказал Роман Порфирьевич.

— О, так проходите, проходите, пожалуйста. Я вам открою. Марина ключ для вас оставила. Она побежала в садик за Наташей, сейчас придут. А Павел, понимаете, в срочной командировке, должен вот-вот вернуться. Так вы проходите, проходите...

Внимательный такой, обходительный. Провел стариков в комнаты, показал, где что в квартире находится, включил телевизор. И ушел.

— Чуешь, мать, хто це був? Не чуешь. Це був Гагарин...

Микола тоже побывал у брата. Ему повезло: Павло был свободен целую неделю, ездил с Миколой в Москву, познакомил с Гагариным. Космонавт-Один, подарил братишке Космонавта-Четыре свою книгу «Дорога в космос» с надписью: «Поповичу Николаю. В память о первом космическом полете с наилучшими пожеланиями. Гагарин».

...Утром мы уезжали из Узина, из этого зеленого украинского городка. Сидим уже в автобусе на Киев, шофер собирает деньги. И вдруг вижу в окно соседку Поповичей. Бежит с кошелкой к автобусу. Я подумал, что вот расспрошу ее кое о чем в пути. Но она не собиралась ехать.

— Ой, застала я вас, застала. А то Феодосья Касьяновна так волнуется. Приезжал к Наденьке врач из Пашиной части. Касьяновна передала ему мешочек с яблоками для Павлуши, для Наташи, для Марины... Взял. А ночью, собираясь в дорогу, забыл в гостинице. Принесли их оттуда. И Феодосья Касьяновна так заволновалась, так заволновалась. «Неужели,— говорит,— мои яблоки не дойдут к сыну, к внучке...» И мы вспомнили про вас. Вы же, наверно, увидите Павла, когда он приземлится... Пожалуйста, передайте ему эту посылку.

Автобус тронулся, и я увидел на повороте Касьяновну. Она махала нам рукой. Ей хотелось самой увидеть, как ее яблоки едут к сыну...

И вот мы стучимся в дверь, за которой слышен женский голос.

— Наташенька, открой!

Мы в квартире Космонавта-Четыре. Ремонт. Вся мебель, вещи стащены в одну комнату. В другой, где ремонт уже закончен, хозяйка моет пол. Я видел ее раньше. Верней, не ее, а ее самолет. Да и вы, должно быть, видели эту машину в кино. Помните воздушный парад в Тушине? В воздухе женская девятка высшего пилотажа. Голос диктора: «Больше всех, наверно, волнуется из девятки летчица Марина Попович. За ней придирчиво наблюдает с земли муж летчик Павел Попович».

Дома, в фартуке, она не похожа на летчицу. Тут она мать, у которой немножко прихворнула девчурка: кашляет. Дома она жена, которая ждет мужа из дальней командировки, из космоса...

— А яблоки хороши! Надо их разделить поровну.

— Это папе. Это тебе, мама. Это мне...

Подумала и прибавила к папиным еще одно яблоко.

Теперь мы должны выслушать стихи. Собственного сочинения. Сначала резкая, критическая струя в мамин адрес:

Пошла мама в магазин
Покупать мне апельсин.
Апельсина не купила:
У ней денег не хватило.

Потом, как это бывает и у других поэтов, некоторая лакировка действительности:

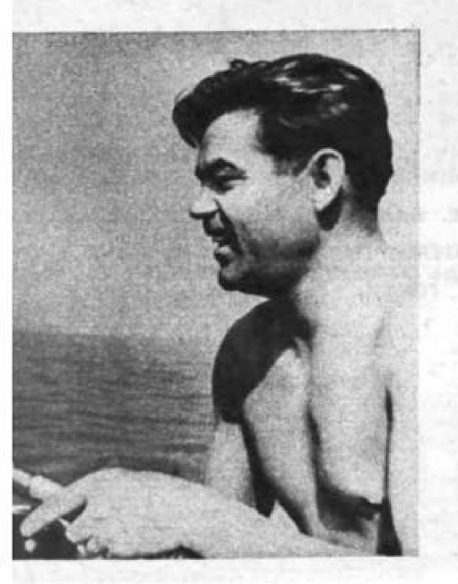
А купила эскимо,
Очень вкусное оно.

А яблоки лежат на столе.

Папа вернется домой и сразу, на пороге, услышит их запах. Запах бабушкиных яблок.

...Цветы, простые земные цветы.

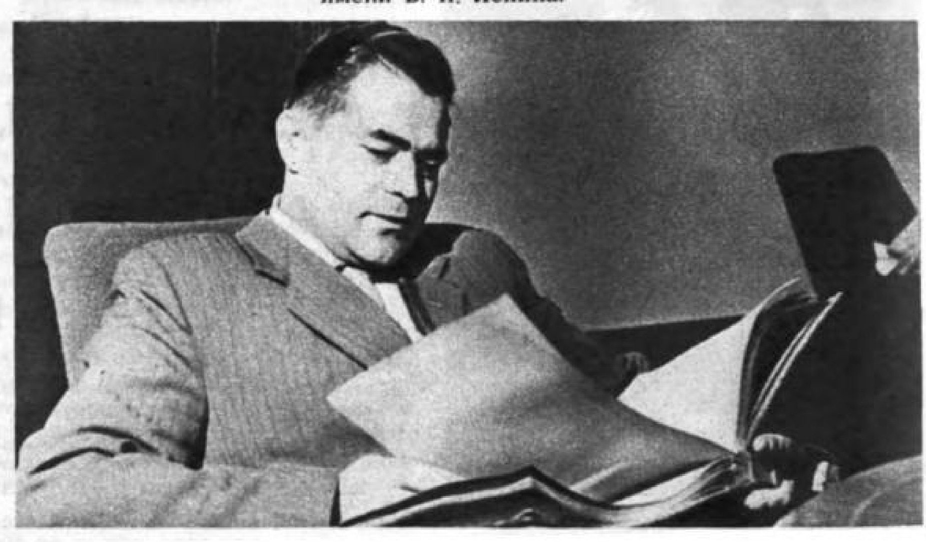
Иногда совсем неплохо сменить шлем космонавта на спиннинг рыболова.

Вот она, родная чувашская земля, по которой сделаны были первые твои шаги в жизнь. И рядом с тобой мать, давшая тебе эту жизнь.

Из космоса Андриян Григорьевич поздравил команду «Шахтер» с победой. А на этом снимке вы видите его самого на трибуне стадиона имени В. И. Ленина.

Можно отдыхать и так!

Вдали от стартовых вол

Земля! Какое счастье ощущать ее, трудиться на ней!

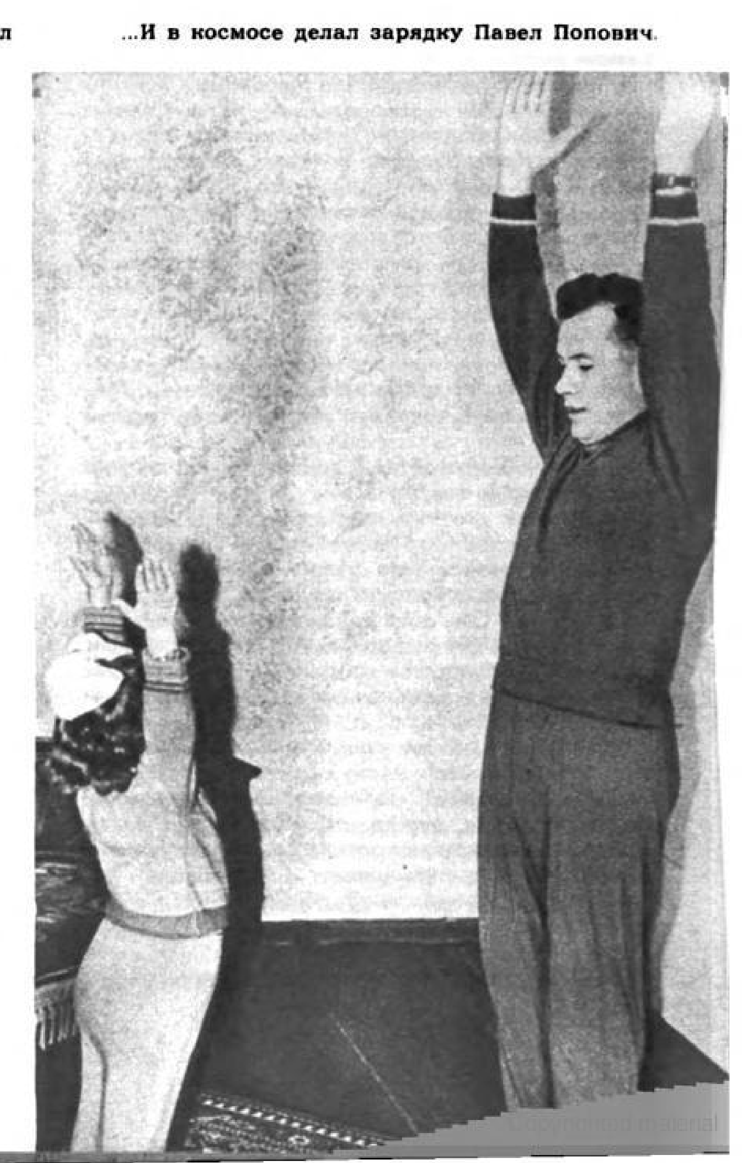
И вдали от Земли Павел Романович вспоминал свою дочурку.

В этом «полете» участвовала вся семья...

...И в космосе делал зарядку Павел Попович.

...А можно и так.

нений...

Парк культуры и отдыха, качели «Самолет». ...Если бы эта работница парка знала, что перед ней сидел командир космического корабля «Восток-4»!

Невиданные скорости в просторах Вселенной, и эта неторопливая прогулка в лесу!

Земные братья Павел Попович и Андриян Николаев.

Фото В. Базанова, Веры Жихаренко, Г. Омельчука, Б. Смирнова и АПН.

Небесными братьями назвал советский народ наших славных космонавтов Юрия Гагарина и Германа Титова. И это прозвище, конечно, по наследству перешло к Андрияну Николаеву и Павлу Поповичу.

На космических высотах небесные братья показали, на что способны советские люди. Но силу свою, свое мастерство небесные братья обрели на земле. На родной своей земле они учились дерзать, готовились к небывалому прыжку в небо, на родной земле и отдыхали они от своих трудов. Вот почему небесных братьев можно назвать и братьями земными.

На этих страницах вы видите героев не в кабинах космических кораблей, не в полете, а на земле, на отдыхе.

Домик космонавта.
Рисунок И. Массины.

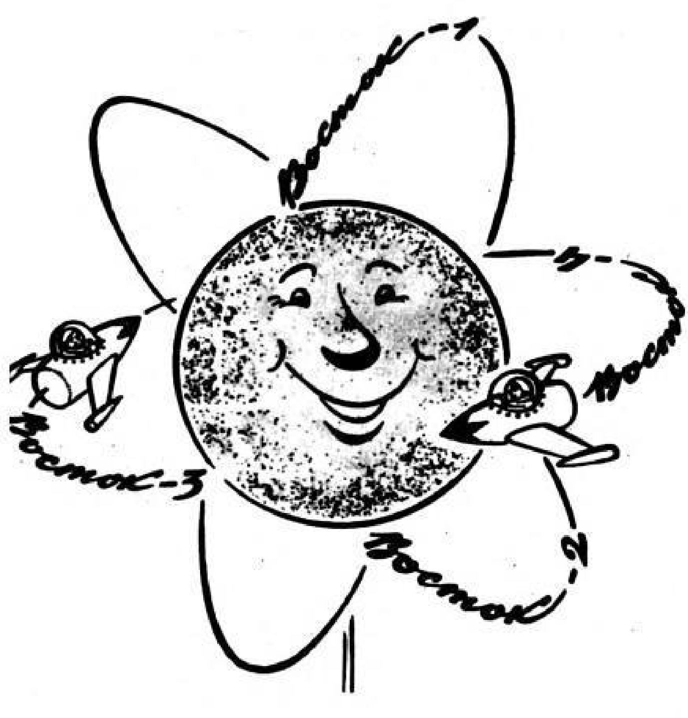

Рисунок Гр. Оганова.

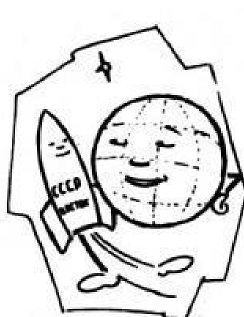
РИСУНКИ ПО ПОЧТЕ

Окруженная бездонным черным небом со сверкающими звездами, открылась незнакомая планета. Среди скал стоит ракета. Высокие, стройные люди в скафандрах — наши космонавты. Так представляет себе будущих покорителей космоса 12-летний школьник Борис Прокуров из Татарии. Рисунок «Покорители космоса» напечатан на почтовой открытке. В один прекрасный день вы, может быть, получите ее по почте.

В прошлом году редакция газеты «Пионерская правда» и Министерство связи СССР предложили ребятам сделать рисунки для почтовых открыток. Это увлекло юных художников; за несколько месяцев пришло свыше 15 тысяч детских работ. Жюри — художники и педагоги — отобрало пять лучших рисунков. Впервые в нашей стране появились почтовые открытки, нарисованные детьми.

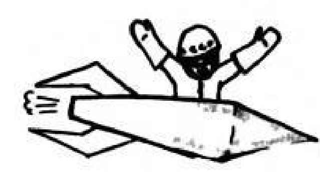
Е. Каменева

Верный спутник.

Рисунок Г. Оганесова.

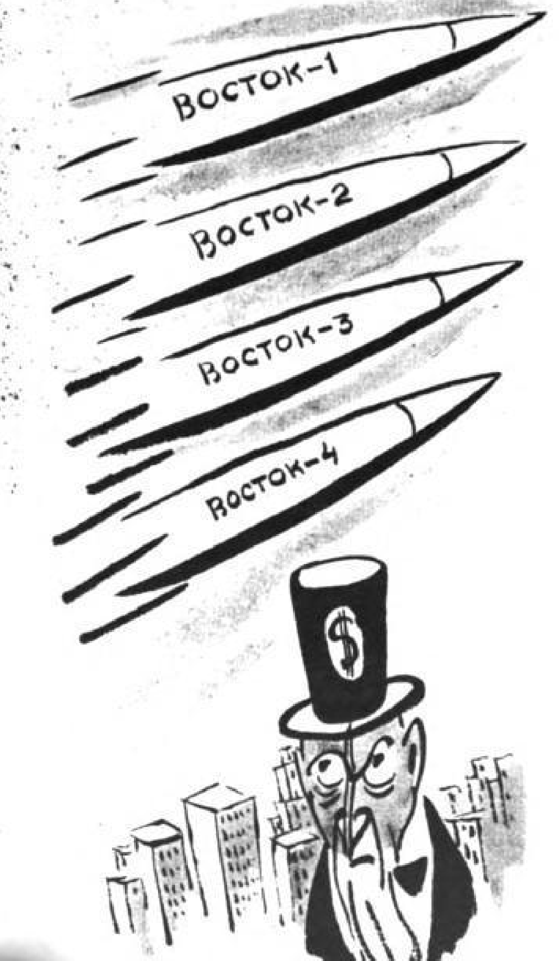
Космический болельщик.

Рисунок В. Каневского.

— Где же бог, святой отец, если коммунисты в космосе проводят партийные собрания?

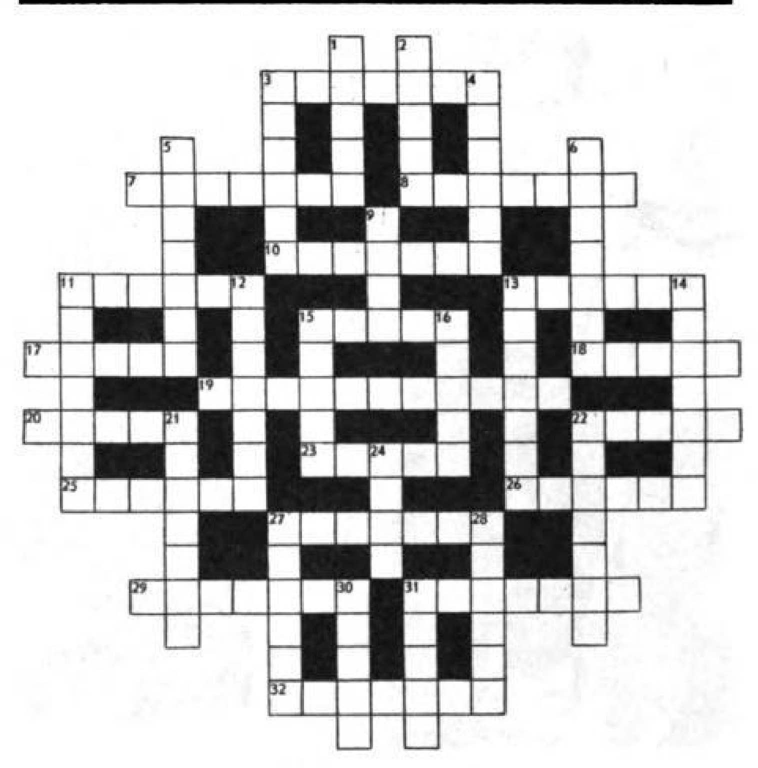
Рисунок И. Массины.

К вопросу о первенстве.
— Все ясно, как дважды два — четыре.

Рисунок В. Воеводина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Областной город в УССР. 7. Советский легкоатлет, рекордсмен мира. 8. Воздушный флот. 10. Окраина села. 11. Месяц года. 13. Повесть А. Рыбакова. 15. Время уборки сена. 17. Река в Московской области. 18. Рыба семейства карповых. 19. Отдел зоологии, изучающий птиц. 20. Одна из четырех малых планет. 22. Место хранения старых документов. 23. Площадка для цирковых представлений. 25. Ископаемая смола хвойных растений. 26. Объект зарисовки. 27. Льняная или хлопчатобумажная ткань. 29. Надпись на монетах, медалях. 31. Коврик. 32. Часть света.

По вертикали:

1. Прием, метод работы. 2. Молодежный журнал. 3. Металл. 4. Сетчатая оболочка глаза. 5. Места на стадионе. 6. Вечнозеленое хвойное дерево. 9. Отблеск света. 11. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 12. Школьная принадлежность. 13. Старший в спортивной команде. 14. Белорусский писатель. 15. Интервал в музыке. 16. Грузозахватывающее устройство. 21. Автор балета «Пламя Парижа». 22. Кровеносный сосуд. 24. Пушной зверек. 27. Летняя шляпа. 28. Киноактриса, народная артистка СССР. 30. Пионерский лагерь в Крыму. 31. Накладные волосы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

4. «Арлезианка». 8. Терем. 9. Берег. 10. Мерлушка. 11. Трио. 13. Стог. 15. Сапсан. 17. Часть. 18. Атлас. 19. Мадагаскар. 20. Мисти. 21. Торий. 22. Корпус. 25. Арфа. 27. Репа. 29. Фосфорит. 31. Пурга. 32. Исток. 33. Саламандра.

По вертикали:

1. Реторта. 2. Катушка. 3. Днепр. 5. Ромм. 6. Куба. 7. Озеро. 11. Ткачиха. 12. Осьмина. 13. Стартер. 14. Графика. 15. Судак. 16. Нукус. 23. Ойстрах. 24. Украина. 26. Раунд. 28. Просо. 29. Фара. 30. Титр.

На первой странице обложки: Космонавт-3 Андриян Григорьевич Николаев, его мать Анна Алексеевна. Космонавт-4 Павел Романович Попович, его мать Феодосья Касьяновна.

Фото А. Григорьева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00521 Подписано к печати 16/VIII 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1293. Заказ 2242.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Воскресный день в парке Бейхай (Китай).

Песня в защиту мира (Индия).

ИЗ НЕДОСКАЗАННОГО...

Читатели «Огонька» знают и помнят рисунки и акварели Виктора Семеновича Климашина. Исполняется пятидесятилетие со дня рождения художника. В. С. Климашин не дожил до юбилейной даты. Сегодня «Огонек» публикует несколько его небольших работ. И вновь художник разговаривает с нами на нежном языке своей акварели.

Мне все время кажется, что мы в долгу перед этим тонким художником. Он обладал удивительным зрением: видел мир свежо и чисто. Задумчивые и ясные его этюды и маленькие изящные композиции, точные и всегда неожиданные рисунки, согретые лирикой и юмором, острые плакаты, сработанные с большой впечатляющей силой,— все это не могло не удивлять каждый раз по-новому.

Нельзя забыть сюиты, выполненные им в Индии, Китае, Корее.

Индийский художник Чаттопрасад Бхаттачария, познакомившись с Климашиным, написал ему в альбом:

«Я поражен волшебством ваших глаз и пальцев, и я знаю, какой океан любви к нашей стране и ее народу Вы принесли в Вашем сердце... Я никогда не забуду тех немногих часов, которые я провел в беседе с Вами, рассматривая Ваши работы. И это воспоминание будет всегда вдохновлять меня даже в мои мрачные дни...»

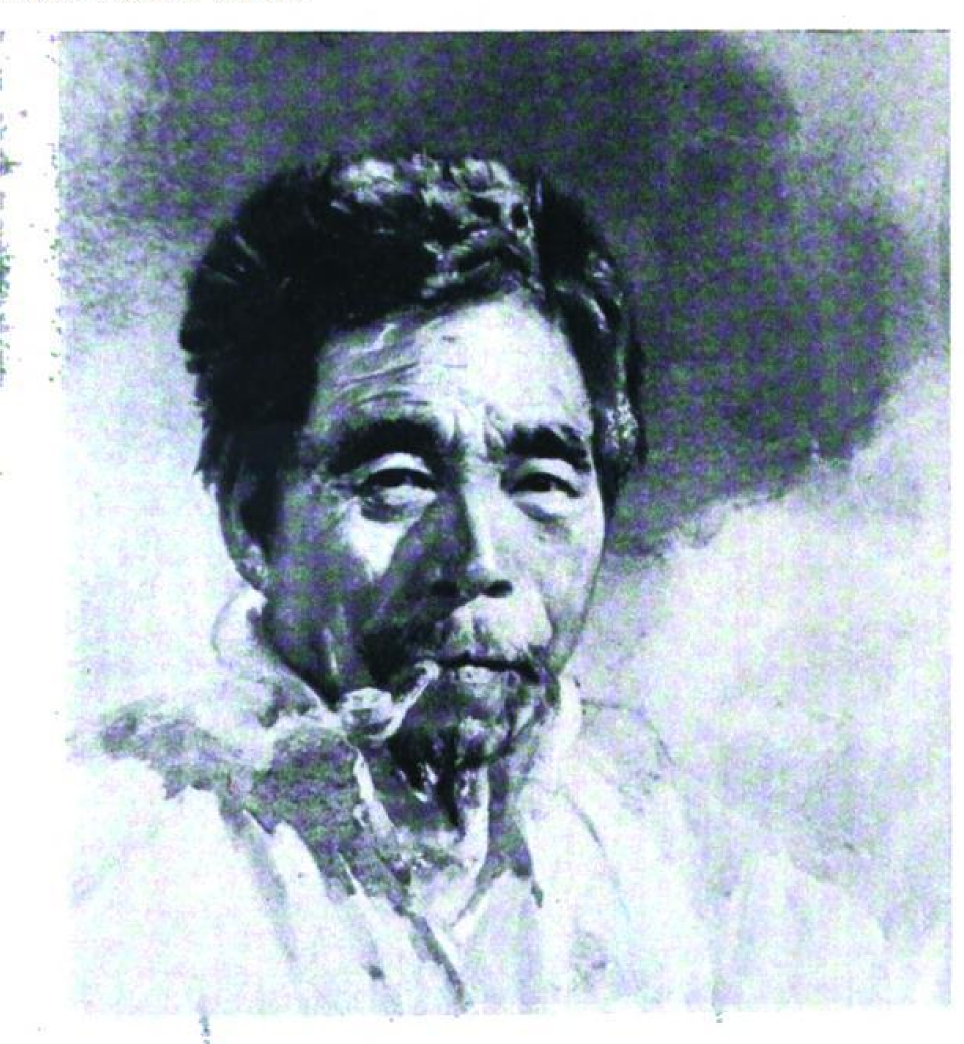
Мне довелось как-то весной приехать к художнику, отдыхавшему в подмосковном санатории «Суханово».

Я увидел среди множества рисунков и этюдов пейзаж, публикуемый на этой странице. На меня повеяло дуновением весны.

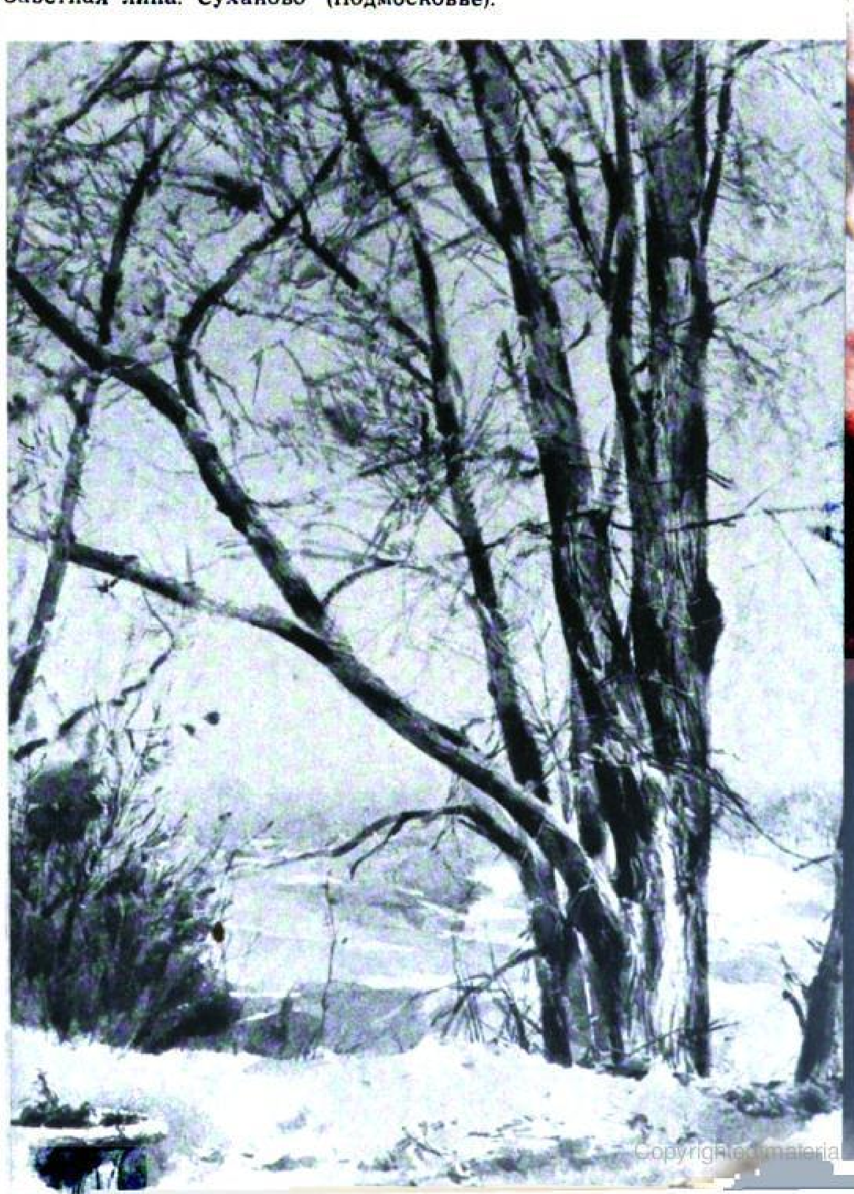
Как много он не досказал нам! Ведь он мечтал создать серию родных волжских мотивов, но не успел.

Анатолий ЯР-КРАВЧЕНКО

Старый садовник (Китай).

Заветная липа. Суханово (Подмосковье).

Цена номера 30 коп.

Сверхзвуковые самолеты-истребители, вооруженные ракетами. Их ведут военные летчики 1-го класса майоры Виктор Зимин и Юрий Клинчиков. Снимок сделан с борта самолета УТИ-МИГ-15, который пилотировал военный летчик 1-го класса подполковник Владимир Беляев.

Фото Г. Макарова.